

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ COUNTER-TERRORISM *проблемы XXI века*

Информационно-аналитический и научно-практический журнал

ИЗДАЕТСЯ ПРИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Министерства иностранных дел Российской Федерации
Московского антикоррупционного комитета при МТПП

УЧРЕДИТЕЛЬ:

НП «Международный центр научных исследований
проблем противодействия терроризму»
(НП «МЦПТ»)

ИЗДАТЕЛЬ:

ЗАО «Издательство современная экономика и право»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР

ПИ № ФС 77 – 42949 от 10.12. 2010

ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)

[HTTP://WWW.ELIBRARY.RU/DEFAULTX.ASP](http://www.elibrary.ru/defaultx.asp)

Компьютерная верстка: Т.Н. Балабанова
Корректурa: Т.Н. Акулова

Подписано в печать 28.06.2013 г.
Отпечатано в типографии
«Технологии рекламы», 127051,
г. Москва, Цветной бульвар, д. 24/2
Заказ № 2181
Заявленный тираж 1000 экз.

Адрес Редакции:
117218, Москва, ул. Б. Черёмушкинская, д.34
(ЗАО «Издательство современная экономика и право»)
Тел./факс: (499) 120 – 0095
E-mail: nalogi@ropnet.ru
www.nalog-pravo.ru

Взгляды и мнения авторов не всегда совпадают с позицией
Редакционной коллегии
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ЗАО «Издательство современная
экономика и право»

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Научно-практическая конференция
«Каспийский регион: вопросы обеспечения национальных
интересов и безопасности Российской Федерации»2

М.М. Галимарданов

Актуальные вопросы обеспечения национальных
интересов и безопасности Российской Федерации
в Каспийском регионе.....3

А.Г. Лихонос

Проблемы обеспечения национальных интересов
и безопасности Российской Федерации в Каспийском
регионе. Военный аспект безопасности в регионе7

(РЕЗОЛЮЦИЯ) научно-практической конференции
«Каспийский регион: вопросы обеспечения национальных
интересов и безопасности Российской Федерации» 11

МНОГОЛИКИЙ ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ДЕФИНИЦИИ

В.И. Блищенко / V. Blishchenko

Понятие «терроризм» в законодательстве США
(Conception of terrorism in the US legislature).....15

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ И КИБЕРЭКСТРЕМИЗМУ

А.С. Клементьев / A. Klementev, Е.В. Ткач / E. Tkatch
Противодействие кибертерроризму и киберэкстремизму:
новая сфера правоохранительной деятельности
(Countering cyber terrorism and cyber extremism
as a new area of law enforcement).....25

ЭКСТРЕМИЗМ – УГРОЗА ГОСУДАРСТВУ И ОБЩЕСТВУ

Ю.В. Латов / Yu. Latov

Пост-пост-советская молодежь как актор
«нового» экстремизма
(Post-post-Soviet youth as an actor of «new» extremism)31

В.М. Клячин / V. Klyatchin

Политический экстремизм как угроза безопасности
объектов атомной энергетики и промышленности
(Political extremism as a threat to security
of nuclear energy and industry)36

А.М. Юнусов / A. Yunusov

Задачи в сфере противодействия экстремизму
в молодежной среде
(Tasks of countering extremism among young people).....41

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Н.А. Коровникова / N. Korovnikova

Патриотизм как основа ментальной
безопасности России
(Patriotism as basis of Russia's mental security).....44

Научно-практическая конференция «Каспийский регион: вопросы обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации»



27 июня 2013 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция, посвященная актуальным вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации в Каспийском регионе.

Конференция была организована Экспертным советом Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Федерального Собрания Российской Федерации, при участии: Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Федерального Собрания Российской Федерации; Министерства иностранных дел России; Федеральной службы безопасности России; Министерства обороны России; Министерства внутренних дел России; Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков; Министерства транспорта России.

В Конференции приняли участие депутаты профильных Комитетов Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, представители исполнительных и законодательных органов власти Республик Дагестан и Калмыкия, Астраханской области и ряда других субъектов Российской Федерации, ответственные сотрудники аппарата Совета

Безопасности Российской Федерации, аппарата Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Южном и Северо-Кавказском Федеральных округах, МИД России, Минрегиона России, Минтранса России, Минэкономразвития России, Минприроды России, Минобороны России, МВД России, ФСБ России, ФТС России, ФМС России, ФСКН России, Института экономики РАН, Института Европы РАН, Института востоковедения РАН, Института США и Канады РАН, Института проблем рынка, ФГБНИУ «Совет по изучению производительных сил», ОАО «Роснефть», ОАО «Транснефть», ОАО «Газпром», ОАО «Лукойл», Международного института госслужбы и управления персоналом Российской государственной академии, Российского института стратегических исследований, МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, Астраханского государственного университета, Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, эксперты и представители бизнес-сообщества.

Редакция журнала «Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism» начинает публикацию ряда наиболее интересных выступлений, прозвучавших на Конференции, а также ее материалов¹.

¹ В следующем номере журнала публикация материалов Конференции будет продолжена.



М.М. Галимарданов

депутат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
председатель секции Экспертного совета
Комитета Госдумы по безопасности
и противодействию коррупции

Актуальные вопросы обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации в Каспийском регионе

Уважаемые коллеги, друзья!

Приветствую вас на нашей научно-практической конференции, посвященной обеспечению национальных интересов и безопасности России в регионе Каспийского моря. Нет необходимости говорить в этой аудитории о важности Каспия: он находится на стыке таких ключевых для российской внешней политики регионов, как Центральная Азия, Южный Кавказ, Ближний Восток. В Прикаспии расположены три российских субъекта федерации: Астраханская область, республики Калмыкия и Дагестан, которые входят в два важнейших федеральных округа: Северо-Кавказский и Южный.

Вокруг Каспия сейчас происходит активная геополитическая борьба, внерегиональные игроки пытаются закрепиться на море в военной и экономической сферах. Для того чтобы Каспийское море и прилегающие к нему регионы стали для России точками роста и развития экономики, территорией стабильности и безопасности, необходимо обсудить российские приори-

теты, выработать стратегию их защиты, а также определить необходимые для этого федеральные и региональные нормы законодательства. Надеюсь, достижение этих амбициозных целей станет ближе в результате нашего мероприятия.

Каспий уже несколько веков входит в зону приоритетных для России интересов. Почти триста лет назад были заключены первые юридические соглашения о совместном использовании моря в военных и хозяйственных целях. В XX веке, в течение 70 лет Каспий находился под полным контролем СССР и Ирана. Распад Советского Союза в 1991 г. кардинальным образом изменил геополитическую ситуацию в регионе. Новые независимые государства Казахстан, Азербайджан и Туркменистан практически сразу выступили за изменение международно-правового статуса Каспийского моря, потому что для них освоение каспийских энергоресурсов стало одним из условий обеспечения суверенитета.

Западные страны активно поддерживали их в этом вопросе, поскольку они получили возможность создать центр добычи энергоресурсов, независимый от России, Ирана и стран Персид-

ского залива, а также укрепиться в важнейшем геостратегическом регионе Евразии.

Россия играла активную роль во всех переговорах, предлагая соседям оптимальную формулу раздела моря, но позиции были слишком далеки друг от друга. В результате Россия, Азербайджан и Казахстан в 2003 г. поделили дно северной части Каспийского моря на сектора по серединной модифицированной линии. Иран и Туркменистан не согласились с таким форматом раздела, и с того времени переговоры не привели к каким-либо заметным результатам.

Российское руководство всегда обозначало главным приоритетом в регионе безопасность в самом широком смысле.

Вызовов для нашей страны в этом регионе предостаточно. Глобальные риски для прикаспийских стран исходят от конфликта вокруг ядерной программы ИРИ. Уже сейчас режим экономических санкций западных стран заставляет иранских партнеров, в том числе каспийских соседей, отказываться от взаимовыгодных проектов. Если конфликт перейдет в «горячую» фазу, существует опасность серьезной дестабилизации ситуации в регионе, под угрозой нападения будут объекты нефтегазовой инфраструктуры на Каспии, построенные и используемые западными компаниями.

Развитие ситуации в Афганистане, вывод войск западной коалиции в 2014 г. также содержат потенциальные риски. Учитывая, что Туркменистан и Иран имеют протяженную границу с Афганистаном, любые негативные изменения окажут непосредственное влияние на безопасность в регионе Каспия.

Противоречия Каспийских государств также время от времени приводят к региональным конфликтам: так в 2001 г. спор за месторождение между Азербайджаном и Ираном перешел в острую фазу. А в прошлом году между Туркменистаном и Азербайджаном произошел конфликт из-за перспективной структуры «Сердар – Кяпаз». Регулярные споры между соседями создают напряженный фон для переговоров по остальным вопросам взаимодействия «каспийской пятерки».

Одним из самых серьезных вызовов для российской безопасности является стремление

западных стран закрепиться в регионе Каспия. Любое, даже незначительное постоянное присутствие иностранных вооруженных сил на Каспии кардинальным образом меняет баланс сил и поставит российское руководство перед необходимостью учитывать фактор наличия военных объектов третьих стран в регионе. Поэтому для России критически важно не допустить не только появления военных объектов западных стран, а также сближения новых независимых стран региона с геополитическими конкурентами России в сфере безопасности.

Развитие энергетической сферы на Каспии несет для России серьезные риски потери влияния и экономических издержек. Здесь уже сформировался важный центр добычи энергоносителей, а также проложены маршруты транспортировки на европейский рынок в обход России. Рассматривается строительство транскаспийского газопровода, который может существенным образом подорвать позиции России как ключевого транзитера энергоресурсов из региона на мировой рынок. Экономическая переориентация стран региона от сотрудничества с Россией также негативно сказывается на позициях в регионе.

Еще одним очагом нестабильности для нашей страны является напряженная внутренняя ситуация в прикаспийских субъектах федерации, особенно в республиках Северного Кавказа. Высокая террористическая активность, рост экстремизма и коррупции, слабая экономическая развитость регионов российского Прикаспия негативным образом сказывается не только на имидже России, но и на возможности использовать пограничные регионы в качестве плацдарма для экономического и политического влияния на соседей.

Сложная ситуация с загрязнением Каспия и масштабные планы освоения углеводородных запасов моря выводят экологическую безопасность в регионе на первый план. В условиях интенсивной добычи энергоресурсов Россия может и должна быть лидером и главным идеологом защиты экологии на море.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, а также создание организации со-



Президиум Научно-практической конференции

трудничества каспийской пятерки и региональной системы безопасности силами прибрежных стран могли бы стать важнейшим залогом сохранения стабильности. Это позволило бы регламентировать сотрудничество прибрежных стран, разделить сферы влияния и разрешать возникающие споры в правовом поле. Но, к сожалению, завершение работы над Конвенцией сегодня невозможно, а идея России по созданию этих организаций не находит отклика среди соседей. Поэтому на первый план выходят другие механизмы защиты национальных интересов и обеспечения безопасности в регионе.

Во-первых, у Каспийских стран есть регулярная переговорная площадка на уровне президентов и заместителей министров иностранных дел (Специальная рабочая группа), которая позволяет разрешать накопившиеся проблемы.

Во-вторых, в последнее время соседи стали демонстрировать сближение позиций при решении проблем безопасности и обеспечения стабильности в регионе. Свидетельством этого являются итоги Второго и Третьего каспийских саммитов в Тегеране и Баку. И России удастся использовать эту площадку, чтобы продвигать

выгодные для себя инициативы и соглашения.

Так, в Иране в 2007 г. была подписана Декларация, содержащая 25 пунктов. Самым важным итогом переговоров стало принципиальное решение, что Каспийское море объявляется «морем мира» и «все вопросы на море будут решаться прикаспийскими государствами мирными средствами». Кроме того, в декларации было прописано, что вооруженные силы сторон не направлены на остальные прикаспийские страны. Также каспийская пятерка взяла на себя обязательство «ни при каких обстоятельствах не предоставлять свою территорию для совершения агрессии или совершения другого военного действия против любой из сторон».

В ноябре 2010 г. в Баку президенты подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, а также расширенное совместное заявление по итогам саммита. В Соглашении оговорены сферы, в которых стороны намерены осуществлять сотрудничество, например, борьба с терроризмом, браконьерством, организованной преступностью, контрабандой, а также указан перечень министерств и ведомств, отвечающих в каждой



Выступление М.М. Галимарданова

стране за исполнение обязательств в рамках Соглашения.

В условиях отсутствия консенсуса по вопросу раздела моря Декларация, подписанная в Тегеране, и Соглашение, принятое в Баку, задают формат сотрудничества прикаспийских стран в сфере безопасности. И это очень важно на фоне обозначенных рисков и вызовов, которые стоят перед прикаспийскими странами.

В условиях нерешенности окончательного статуса Каспийского моря, крайне важно выстраивание двусторонних добрососедских, прагматичных отношений со всеми странами региона. Это и является одним из наиболее эффективных невоенных механизмов защиты национальных интересов. Среди Прикаспийских стран ближайшим российским союзником является Казахстан, участник всех интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Но в последнее время отмечаются определенные проблемы в отношениях Москвы и Астаны по вопросу использования космодрома «Байконур», а также перспектив дальнейшей интеграции.

Важно развитие отношений с Азербайджаном. Необходимо поддерживать союзнические

отношения с Ираном в рамках стратегии сохранения многополярного мира. России очень важно выработать новый формат сотрудничества с Туркменистаном, чтобы остаться ключевым транзитером природного газа из республики в ЕС.

Особую роль для России играет энергетический сектор, в нем проистекает основная геополитическая борьба в Каспийском регионе. В условиях возрастающей конкуренции за влияние и противостояния за каспийские энергоресурсы России необходимо иметь и последовательно реализовывать комплексную стратегию защиты своих интересов. Для этого необходимо развивать внутреннюю трубопроводную инфраструктуру, реализовывать выгодные с геополитической точки зрения межгосударственные энергетические проекты. В частности, смена правительства в Болгарии может дать вторую жизнь нефтепроводу Бургас-Александруполис, который является важным продолжением российских нефтепроводов. Кроме того, необходимо интенсивно осваивать добычу нефти и газа в российском секторе моря. С технологической точки зрения Каспий может стать полноценным полигоном для обкатки морской добычи энергоресурсов, с учетом планов освоения Арктики.

Существует много вопросов, которые хотелось бы сегодня обсудить. Это аспекты обеспечения национальных интересов в регионе: экономическая, энергетическая и экологическая безопасность, эффективное использование транспортно-коммуникативных ресурсов, обеспечение безопасности мореплавания. Отдельной темой обозначены взаимоотношения России с прикаспийскими странами и гуманитарная интеграция, без которой сложно представить эффективный диалог.

Мы рассчитываем, что все участники обозначат региональные интересы своих компаний, ведомств, субъектов Федерации и выступят с конкретными предложениями и рекомендациями для усиления роли и влияния России в регионе Каспийского моря.

Рассчитываю на активное сотрудничество.

Желаю всем плодотворной работы.



А.Г. Лихоносов

доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор политических наук, доцент, полковник

Проблемы обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации в Каспийском регионе. Военный аспект безопасности в регионе

Уважаемые участники Конференции!

Вашему вниманию представляется доклад, посвященный военным аспектам безопасности в Каспийском регионе.

Специфическое географическое положение Каспийского моря делает его потенциальной зоной геополитического конфликта. Пять государств окружают Каспийское море. Доля протяженности и очертаний береговых линий, каждого государства от площади Каспия составляет: России – 18,7%, Казахстана – 29,6%, Азербайджана – 19,5%, Туркменистана – 18,4%, Ирана – 13,8%.

Военно-политическая обстановка в Каспийском регионе в последние годы характеризуется высокой динамичностью, что обусловлено активизацией конкурентной борьбы между прибрежными государствами,

а также внерегиональными силами в основном за контроль над углеводородными ресурсами Каспия и маршрутами их транспортировки на мировые рынки. Существенное влияние

на ее развитие оказывают противоречия между отдельными странами Каспийского региона, что весьма затрудняет процесс достижения компромиссных решений по окончательной выработке в ближнесрочной перспективе правового статуса Каспийского моря.

Это объясняется, с одной стороны, уникальным геостратегическим положением региона, который тесно связан с Европой, Северной Африкой, Ближним Востоком и Азией.

С другой стороны, значительные запасы углеводородов в Каспийском регионе которые имеют огромное стратегическое значение. Так, по оценкам Государственного департамента США, Каспийский регион после Персидского залива, Ближнего Востока и Сибири является второй в мире сырьевой базой. Его запасы нефти достигают 200 млрд. тонн или около 25% мировых запасов.

В США полагают, что Каспийский регион сможет в XXI веке удовлетворить потребности крупных промышленных держав в сырье. Контроль над месторождениями нефти и газа указанного региона будет означать контроль и над тен-

денциями его политического и экономического развития.

Поэтому еще в конце июля 1997 г. в Комитете по иностранным делам Конгресса США были проведены слушания по Каспию и Центральной Азии, принята резолюция, согласно которой данный регион объявлен зоной **жизненно важных интересов США**.

Как следствие такой политики стратегические планы США и НАТО связаны с наличием больших запасов нефти в Каспийском море и созданием транспортных коридоров для доставки ее непосредственным потребителям.

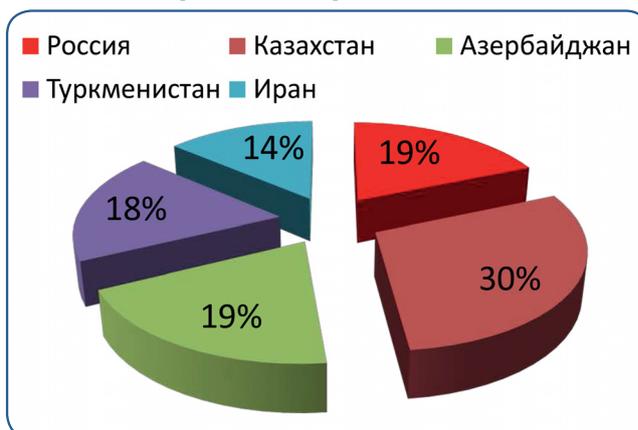
Именно поэтому в начале ноября 2003 г. заместитель командующего войсками США в Европе генерал Чарльз Уолд высказался о том, что в охране нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан планируется задействовать военнослужащих США и НАТО. «Так как большая часть нефти и газа идет в Западную Европу, поэтому защита этих путей должна быть в интересах США и НАТО».

Каспийский регион является традиционной зоной национальных интересов России. Россия непосредственно входит в число Каспийских государств и считает правомерным эксплуатацию в своих интересах сырьевых, транспортных и иных возможностей региона. В этой связи любые геополитические изменения в регионе не могут не затрагивать национальные интересы Российской Федерации и не должны изолировать ее от участия в них. Российская геополитика также традиционно в Каспийском регионе непосредственно опирается на политико-экономические и социально-культурные процессы и на них ориентирована. Отсюда, Россия не может оставаться в стороне при принятии каких-либо решений, касающихся Каспийского региона, другими мировыми державами.

Основными факторами, влияющими на появление источников угроз военной безопасности, как России, так и других государств Каспийского региона, в настоящее время, на наш взгляд, являются:

- риск обострения этнических и религиозных конфликтов в регионе;
- стремление нерегиональных стран способствовать прозападной ориентации кавказских

Доля протяженности и очертаний береговых линий



и центрально-азиатских государств, попытки взять на себя обязанности единственного гаранта безопасности в регионе;

- эскалация существующих и возникновение новых вооруженных конфликтов вблизи границ государств Каспийского региона с возможным переносом боевых действий на их территорию;
- неурегулированность нагорно-карабахского конфликта между Азербайджаном и Арменией;
- напряженная обстановка вокруг Ирана, способная перерасти в вооруженный конфликт вблизи границ Российской Федерации и других государств Каспийского региона;
- усиление позиций националистического и конфессионального, в первую очередь, исламского экстремизма вблизи границ государств Каспийского региона, а также присутствие сепаратистских, религиозно-националистических взглядов в определенных оппозиционно настроенных кругах;
- распространение международного терроризма, активизация пропаганды экстремистской деятельности с использованием информационных ресурсов и стремление террористических организаций к обладанию средствами массового поражения;
- распространение зоны ответственности НАТО на регионы, традиционно находящиеся в сфере национальных интересов России, сопровождаемое увеличением масштабов экономического, политического и военного присутствия в ряде

государств, ранее не взаимодействующих с Североатлантическим альянсом в такой форме;

- незаконное распространение технологий двойного назначения и компонентов для изготовления ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Потенциальные угрозы военной безопасности России в Каспийском регионе связаны с тем, что такие закавказские государства, как Азербайджан и Грузия, все более сближаются с США, другими государствами-членами НАТО, в том числе с Турцией. Военно-политическое руководство Азербайджана и Грузии неоднократно выражало готовность разместить на своей территории базы НАТО, что можно рассматривать, как стремление разрешить существующие территориальные противоречия военным путем, а также получить определенные дивиденды со стороны США и их союзников за счет проведения антироссийской политики.

Особый интерес к Азербайджану со стороны США и их основных союзников объясняется также тем, что без азербайджанского участия в проектах по транспортировке запасов углеводородов Каспийского моря эта задача будет нереализуема.

Кроме того, Азербайджан, граничащий с Ираном, представляется весьма удобной площадкой для создания плацдарма США и НАТО в случае начала военной операции против этой страны, которая представляется в глазах Вашингтона как оплот международного терроризма.

Платой Азербайджану может стать более чем существенная поддержка США и НАТО в решении проблемы Нагорного Карабаха. В свою очередь, официальный Баку связывает выход из карабахского тупика, прежде всего, с Вашингтоном и Брюсселем.

При всех выше названных угрозах военной безопасности состав военно-морских сил государств достаточно разнороден, как в количественном, так и в качественном аспекте. Наиболее мощной силой региона является Каспийская флотилия военно-морского флота России. В ее состав входят корабли и катера различных проектов, общее количество которых – почти три десятка.

Наиболее мощной среди зарубежных стран морской группировкой на Каспии обладает Иран. Второе место по мощи своих военно-морских сил на Каспийском море с Ираном разделяет Казахстан. Казахстан отстает по общему количеству техники, но зато обладает несколькими более серьезными кораблями. Сравнительно большим флотом располагает Азербайджан. Туркменистан располагает наименьшим из всех государств количеством техники.

Вместе с этим, влияние на военную безопасность государств Каспийского региона оказывают вызовы невоенного характера, способные привести к росту социальной напряженности и возникновению внутренних вооруженных конфликтов.

К основным вызовам невоенного характера можно отнести:

- неурегулированность международного правового статуса Каспийского моря;
- интерес к значительным запасам энергетического сырья не только самих прикаспийских государств, но и нерегистрационных стран;
- незаконный оборот и транзит наркотиков через территорию государств региона;
- нелегальную миграцию;
- дефицит жизненно важных ресурсов и продовольствия;
- воспрепятствование со стороны других стран экономической деятельности государств региона;
- воздействие на население, провоцирующее социальные протесты, с использованием современных информационно-коммуникационных технологий;
- демографические проблемы и рост населения, проживающего за чертой бедности, и другие.

Неопределенность юридического статуса Каспийского моря дает различным странам повод для маневров в борьбе за стратегические интересы.

Основным шагом в обеспечении военной безопасности в регионе должен стать документ, определяющий правовое положение Каспийского моря. А пока, юридическая неопределенность статуса Каспия толкает нерегистрационные государ-

Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан



ства, как можно раньше занять там свой участок, выгодное место, чтобы обогащаться в будущем, в том числе и в ущерб интересам Российской Федерации.

Кроме того, в настоящее время значительная роль в обеспечении военной безопасности в Каспийском регионе отводится Организации Договора о коллективной безопасности, куда входят два из пяти государств региона (Российская Федерация и Республика Казахстан).

Основой обеспечения военной безопасности ОДКБ в Каспийском регионе является поддержание коалиционного военного потенциала на уровне, достаточном для сдерживания других стран региона от провокационных действий и открытой агрессии в отношении государств-членов Организации, а также эффективного его применения в случае возникновения вооруженного конфликта.

В сложившихся условиях основными задачами обеспечения военной безопасности в Каспийском регионе целесообразно определить:

- увеличение частоты, интенсивности и масштаба совместных военных учений государств-членов ОДКБ в регионе, направленных на демонстрацию возможностей Организации и сдерживание потенциальных противников;

- развитие нормативной правовой базы применения как коллективных сил ОДКБ, так и всех государств прикаспийского региона;

- дальнейшее совершенствование подходов к коалиционному военному строительству стран Прикаспия (по примеру интеграции противозушной обороны государств-членов ОДКБ);

- совершенствование единых (объединенных) систем управления, оперативной и боевой подготовки, военно-технического сотрудничества как государств-членов ОДКБ, так и всех государств прикаспийского региона, системы подготовки военных кадров, вопросов технического развития инфраструктуры, механизма принятия коллективных решений.

Особое место в обеспечении военной безопасности должен занимать процесс подготовки и принятия упреждающих решений по защите национальных и коллективных интересов государств прикаспийского региона.

Таким образом, укрепление сотрудничества и объединение усилий государств Прикаспия и, прежде всего, членов ОДКБ в противодействии как традиционным, так и новым вызовам и угрозам должны внести свой достойный вклад в сохранение стабильности и обеспечение военной безопасности в Каспийском регионе.

РЕЗОЛЮЦИЯ

научно-практической конференции
**«Каспийский регион: вопросы обеспечения национальных
интересов и безопасности Российской Федерации»**

г. Москва, ФГУП «Президент-Отель»

27 июня 2013 г.

Проблемы Каспийского моря и взаимоотношения прибрежных государств обсуждаются много лет, и за последние годы внимание к этим вопросам заметно возросло. Увеличивается число инвестиционных проектов, ориентированных на добычу углеводородного сырья, налаживаются двусторонние контакты между прикаспийскими государствами.

В то же время динамичные геополитические процессы, происходящие в последнее время в Кавказско-Каспийском регионе, порождают новые вызовы и угрозы, которые приобретают глобальный характер. Проблема выработки нового международно-правового статуса Каспийского моря становится все более актуальной.

В целях разработки проекта Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 1996 г. была образована Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств, которая регулярно проводит переговорные раунды поочередно в столицах государств «каспийской пятерки».

На Втором каспийском саммите 16 октября 2007 г. в Тегеране президенты прикаспийских государств приняли итоговую Декларацию, которая является сводом политических принципов. На ближайшую и среднесрочную перспективу до выработки Конвенции о правовом статусе Каспийского моря Декларация призвана выполнять роль своего рода «кодекса поведения» государств на

Каспии. Особую значимость приобрели положения Декларации о запрете плавания по Каспию судов под флагами некаспийских государств, а также о недопустимости использования территорий прикаспийских стран другими государствами против любой из них.

18 ноября 2010 г. в Баку состоялся Третий каспийский саммит. Важнейшим его итогом стало подписание президентами прикаспийских государств пятистороннего рамочного Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море.

Сегодня становится очевидным, что регион, прилегающий к Каспийскому морю, превращается в узловой пункт потенциальных международных конфликтов, в основе которых лежит борьба за богатейшие ресурсы Каспия, в том числе углеводородные и водные биологические. При этом Каспийское море является важным источником экономического развития прибрежных стран и широким полем для их взаимовыгодного сотрудничества.

Участники научно-практической конференции обменялись экспертными мнениями по вопросам обеспечения эффективного сотрудничества между странами «каспийской пятерки» в сфере противодействия новым вызовам и угрозам безопасности. Высказались за наполнение реальным содержанием Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, в том числе посредством заключения до-

полнительных протоколов о взаимодействии в соответствующих отраслях между заинтересованными ведомствами государств-Сторон.

Участники конференции сформулировали практические рекомендации по важнейшим сферам деятельности Российской Федерации в Каспийском регионе.

По решению президентов прикаспийских государств по итогам бакинского саммита следующая встреча на высшем уровне состоится в России. Целесообразно использовать эту встречу «в верхах» также для продвижения российских региональных инициатив, в том числе в сфере экономики.

Рекомендации по обеспечению национальных интересов России и безопасности в Каспийском регионе:

Продолжить работу над проектом Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, в которой нашли бы свое закрепление вопросы регулирования недропользования, рационального использования и воспроизводства биоресурсов моря, а также проведения морских научных исследований.

Предложить Федеральному Собранию Российской Федерации выступить с инициативой о встрече глав парламентов прикаспийских государств для обсуждения перспектив межпарламентского сотрудничества в Каспийском регионе.

Предложить Правительству Российской Федерации образовать межведомственную Комиссию по делам Каспийского региона для координации деятельности российских министерств и ведомств, предприятий и организаций в рамках дальнейшего развития сотрудничества с прикаспийскими государствами в сферах экономики, энергетики, экологии, безопасности, науки, культуры, образования, туризма и т.д.

Укреплять меры доверия в сотрудничестве прикаспийских государств в борьбе с новыми вызовами и угрозами.

В условиях гонки вооружений и отсутствия международных соглашений, регулирующих военную деятельность, активизировать контакты

между ВМФ стран прикаспийских государств, включая организацию визитов дружбы, проведение совместных военных учений и маневров. Это позволит снизить уровень напряженности, укрепить взаимное доверие, наладить оперативное межвойсковое сотрудничество. Активизацию военного сотрудничества важно проводить при взаимодействии с Ираном.

Координировать усилия с Туркменистаном, имеющим подтвержденный ООН нейтральный статус.

Развивать тесное сотрудничество с соседями в противодействии терроризму, незаконному обороту наркотиков, борьбе с браконьерством, другими вызовами и угрозами региональной безопасности. Необходимо вовлекать их в общую работу по созданию условий для безопасности на Каспии.

Рассмотреть вопрос о регулярном проведении в дальнейшем совместных комплексных оперативно-профилактических операций в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Рекомендация в сфере развития отношений с прикаспийскими странами:

Всемерно содействовать развитию с прикаспийскими странами добрососедских прагматичных отношений, являющихся одним из наиболее эффективных невоенных механизмов защиты национальных интересов.

Рекомендации в сфере энергетической и экологической безопасности:

Объединить усилия парламентариев прикаспийских государств по созданию правовой базы и гармонизации законодательства в сфере энергетической и экологической безопасности стран Каспийского региона.

Предложить рассмотреть вопросы энергетической и экологической безопасности в Каспийском регионе на заседаниях межпарламентских комиссий и в группах по связям с парламентами прикаспийских государств.

Активизировать инициативу по укреплению регионального сотрудничества в Каспийском ре-

гионе в вопросах транспортировки каспийских нефти и газа в целях обеспечения региональной стабильности.

Исходить из необходимости поддержания баланса между усилиями по развитию нефте- и газодобычи, с одной стороны, и сохранению Каспийского моря как естественного резервуара ценных биоресурсов, с другой.

Укреплять сотрудничество прикаспийских государств посредством исполнения обязательств в рамках Тегеранской конвенции и системы протоколов к ней, в том числе в части защиты морской среды и биоресурсов Каспийского моря.

Содействовать обеспечению экологически безопасной разработки месторождений (включая геологическое изучение, разведку, оценку, добычу и транспорт) углеводородного сырья в Каспийском море с установлением приоритета сохранения его морской среды и биоресурсов.

Содействовать проведению странами Каспийского региона совместного мониторинга и научных экологических изысканий в целях установления районов, имеющих особо ценное рыбохозяйственное значение для сохранения биоресурсов Каспийского моря.

Усилить борьбу с браконьерством в Каспийском море. Содействовать установлению моратория на вылов осетровых видов рыб в Каспийском море.

Развивать внутреннюю трубопроводную инфраструктуру, реализовывать выгодные с геополитической точки зрения межгосударственные энергетические проекты.

Интенсивно осваивать нефть и газ в российском секторе моря. С технологической точки зрения Каспий может стать полноценным полигоном для обкатки морской добычи энергоресурсов.

Россия должна стать лидером в процессе защиты экологии в регионе, где другие страны в той или иной степени зависят от крупных западных нефтяных компаний, которые в основном осваивают ресурсы Каспия, и не всегда могут выставлять экологические требования. Для того, чтобы предотвратить загрязнение экосистемы Каспия, необходимо принять самые строгие стан-



Президиум конференции

дарты экологической безопасности для добычи нефти на море, предусмотрев систему штрафов и санкций в отношении нечистоплотных компаний, обеспечить свободный доступ экспертных групп на месторождения всех компаний для проведения исследований и мониторинга.

Содействовать созданию системы информационного обмена в реальном масштабе времени между прикаспийскими странами по вопросам обеспечения безопасности в Каспийском регионе, включая чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Рекомендации в области экономической безопасности и транспорта:

Отстаивать экономические интересы государства и российского бизнеса как один из важнейших невоенных элементов защиты национальных интересов.

Способствовать продвижению российского крупного и среднего бизнеса в страны Каспийского региона, развивать совместные проекты, а также привлекать инвестиции прикаспийских государств для реализации проектов в России. Экономическое сотрудничество, активная взаимная торговля помогут обеспечить взаимное доверие и прагматичные политические отношения.

Обеспечить дальнейшее поступательное развитие российского Прикаспия в целях повы-

шения его привлекательности как для национальных, так и зарубежных инвесторов не только из соседних государств, но и стран дальнего зарубежья.

Обеспечить условия для реализации транспортного потенциала региона, создать современную внутреннюю транспортную инфраструктуру российских прикаспийских регионов. Это не только позволит обеспечить возможности для увеличения транзитных потоков из других стран, но и улучшит инвестиционный климат в регионе.

Содействовать реализации крупных инфраструктурных проектов, которая повлечет за собой создание кластера экономики, связанного с российскими стандартами строительства, энергогенерации, профобразования.

Создать действующие механизмы государственной поддержки российских компаний при их выходе на рынок прикаспийских государств, а также государственного страхования доли рисков национальных компаний, что особенно важно в условиях, когда российский бизнес не очень охотно идет на рынки региона.

Расширять банковское сотрудничество как с Казахстаном в рамках Таможенного союза, так и с другими прикаспийскими странами для улучшения положения во взаимных расчетах и денежных трансферах.

Совершенствовать нормативную правовую базу для осуществления безопасного судоходства в интересах развития промышленности и взаимной торговли.

Активизировать создание нормативной правовой базы, регулирующей вопросы взаимодействия и сотрудничества стран Каспийского региона в области поиска и спасания, а также обеспечения аварийной готовности в случае чрезвычайных ситуаций.

Принять дополнительные меры по созданию условий развития морских портов, направленные на бесперебойную транспортировку грузов по Каспийскому морю.

Провести инвентаризацию имеющихся отраслевых соглашений, призванных регулировать различные аспекты хозяйственного использования Каспийского моря (о торговом судоходстве,

о сотрудничестве в области гидрометеорологии и др.), а также правовой базы международного сотрудничества прикаспийских регионов России, с целью их дальнейшего совершенствования в контексте обеспечения национальных российских интересов.

Проводить согласованную транспортную политику, построенную на принципах взаимовыгодного партнерства, а также способную обеспечить реализацию самых смелых экономических проектов.

При осуществлении транспортного диалога с прикаспийскими партнерами исходить из прогнозируемого социально-экономического эффекта реализации транспортных проектов, отвечающих интересам Российской Федерации на Каспии, а также учитывающих экологические аспекты и региональную специфику.

Считать целесообразным осуществление дополнительных мер по возведению и реконструкции перевалочных мощностей, паромных комплексов и других сооружений морских и речных портов Волго-Каспийской транспортной системы, в том числе расположенного на восточном внутреннем водном пути Европейской части России речного порта Агидель, для осуществления бесперебойной транспортировки грузов по Каспийскому морю.

Всемерно содействовать развитию сотрудничества приграничных регионов государств каспийской «пятерки» в сферах культуры, образовательных программ, спорта, туризма, молодежных контактов, в том числе посредством организации выставок, концертов национальных художественных коллективов и солистов, авто- и велопробегов, спортивных соревнований, побратимских связей, туристических поездок и пр.

Депутат Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации,
председатель секции Экспертного совета
Комитета Госдумы по безопасности и
противодействию коррупции
М.М. Галимарданов

В.И. Блищенко / V. Blishchenko
кандидат юридических наук, доцент

Понятие «терроризм» в законодательстве США

Conception of terrorism in the US legislature

В настоящей статье автор подробно анализирует федеральное законодательство США с точки зрения определения понятия «терроризм» и регламентации антитеррористической деятельности уполномоченных государственных органов США. Особое внимание уделено трактовке понятий «внутренний», «иностранный» и «международный терроризм».

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, террорист, право США, Федеральный Кодекс США.

The article analyzes thoroughly the federal legislature of the USA from the point of view of the definition of concept «terrorism» and the legislative regulation of counter-terrorism activity of the US authorities. Special attention is given to the interpretation of concepts «domestic», «foreign» and «international terrorism».

Keywords: terrorism, act of terrorism, terrorist, US law, US code.

Актуальность вопроса юридической трактовки понятия «терроризм» и связанных с ним категорий в праве США с точки зрения современных международных отношений определяется тем, что терроризм превратился в универсальную угрозу международной безопасности независимо от места, времени совершения терактов, личностей преступников, их принадлежности к террористическим организациям, особенностей их деятельности. С точки зрения современного международного права актуальность темы связана с тем, что, несмотря на очевидную стратегическую угрозу миру и безопасности, которую представляет собой терроризм, международные право до сих пор не выработало ни общих понятий, ни универсальных обязывающих документов по борьбе с терроризмом. Наконец, с точки зрения национального российского права (уголовного и административного), актуальность темы определяется необходимостью развития законодатель-

ной базы антитеррористической деятельности, что, в свою очередь требует анализа и учета того, как строится эта работа в США, где терроризм законодательно возведен в число угроз национальной безопасности страны

Терроризм как социально-политическое явление в истории США

Применительно к США терроризм ассоциируется, прежде всего, с практикой убийств или покушений на убийство президентов и других высших должностных лиц страны. В разные годы от рук террористов погибли Президенты США Авраам Линкольн (1865 г.), Джеймс А. Гарфилд (1881 г.), Уильям Маккинли (1901 г.) и Джон Ф. Кеннеди (1963 г.). Список президентов, ставших объектами покушений, еще более внушительен. В него входят Эндрю Джексон, Авраам Линкольн, Теодор Рузвельт, Герберт Гувер, Франклин Д. Рузвельт,

Гарри Трумэн, Джон Ф. Кеннеди, Ричард Никсон, Джеральд Форд, Джимми Картер, Рональд Рейган, Джордж Х.В. Буш, Билл Клинтон, Джордж У. Буш и Барак Обама. Число убийств, покушений на убийство и террористических угроз в адрес законодателей и судей, мэров и прокуроров самого разного уровня вряд ли поддается точному учету.

Между тем, понятия «террор» и «терроризм» в истории США появились не в конце XVIII века, в эпоху Великой Французской Революции, которая возвела террор в ранг государственной политики, а примерно на семьдесят лет позже.

США сформировались как новое суверенное государство в то время, когда в Европе шли войны между великими державами. В свою очередь, молодые Соединенные Штаты сами вели войны против бывших метрополий (Англии, Франции и Испании), а также коренного населения – североамериканских индейцев. Феномен терроризма вышел на внутривнутриполитическую арену США чуть менее, чем через сто лет после возникновения американского государства, по мере упрочения международного положения страны и одновременного обострения внутренних противоречий. В 1865 г. был убит Президент США А. Линкольн. Одновременно произошли покушения на нескольких высших должностных лиц его администрации. Это политическое убийство имело все классические признаки террористического акта, а именно: цель – изменение политики государства в принципиально важном вопросе об отмене рабства, средство – убийство высшего должностного лица страны, социально-политическая мотивировка, заговор и тщательное планирование преступления и т.д., и было сродни политическим убийствам террористами европейских монархов, например, убийству Императора Всероссийского Александра II (1881 г.).

Реакция властей и в том, и в другом случаях, конечно, последовала: убийц установили, поймали/убили на месте, нашли и наказали сообщников и т.д. Однако ни в США, ни в России эти политические убийства тогда не квалифицировали как террористические акты. Такого понятия в юридическом смысле в то время просто не существовало.

Исторически в США террор против представителей власти, как индивидуальный, так и коллективный, – всего лишь верхушка мрачного айсберга. Мишенями террористов, начиная с 40-50-х гг. XIX века, становятся общественные и религиозные деятели, представители дипломатического корпуса и журналисты, известные бизнесмены и простые обыватели, школы и больницы, общественные здания, объекты различной инфраструктуры (вокзалы, стадионы, аэропорты, газохранилища). 11 сентября 2001 г. мишенью террористов стали здания «братев-близнецов» Всемирного торгового центра и штаб-квартира Пентагона.

При этом следует особо подчеркнуть, что терроризм в США не является чем-то инородным, привнесенным извне. Исторически он появился на собственной, исконно американской почве. Террористические акты осуществлялись преимущественно на территории США самими же гражданами США или натурализованными иностранцами.

Отсюда в американской юридической доктрине сформировалось четкое выделение «внутреннего» и «внешнего» (иностранного) терроризма. Под «внешним» терроризмом при этом вплоть до последнего времени понимался терроризм в отношении США, объектов собственности США или американских граждан, субъектами которого выступают иностранцы (отдельные террористы, иностранные террористические организации, поддерживающие терроризм правительства иностранных государств). Именно такое деление на внутренний и внешний терроризм было закреплено в американском законодательстве вплоть до 2001 г., в частности, в ст. раздела 18 Федерального Кодекса США.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. содержание понятий «внутренний» и «внешний» терроризм было радикально пересмотрено. В основу разделения отныне положен критерий совершения террористического акта против США, их граждан и собственности в пределах территориальной юрисдикции США (внутренний терроризм) или за ее пределами (внешний терроризм).

О масштабах так называемого «внутреннего терроризма» (domestic terrorism) в США свиде-

тельствуют данные доклада Федерального бюро расследований (ФБР) «Терроризм 2002-2005». В нем, в частности, отмечается, что за период с 1980 по 2005 г. в стране произошло 318 террористических инцидентов (т.е. собственно террористических актов и предотвращенных преступлений террористического характера), в том числе 209 взрывов, 43 поджога, 20 преступлений против объектов собственности, 16 нападений с использованием огнестрельного оружия, 10 захватов, 8 грабежей, 4 нападения, 2 угона самолета, 2 похищения, 2 ракетных обстрела, одно умышленное убийство¹. Общее количество пострадавших от террористических актов в 1980 – 2005 гг. оценивается в документе ФБР в 17216 чел., в том числе 3178 убитых и 14038 раненых (последняя цифра включает 12017 раненых в результате терактов 11 сентября 2001 г.)².

В истории «внутреннего» терроризма в США выделяются отдельные типы террористической деятельности в зависимости от ее политических, националистических или религиозных целей. К их числу относятся, в частности, насильственные акты Ку-Клукс-Клана, направленные против защитников прав чернокожего населения; «негритянский» терроризм, связанный преимущественно с деятельностью экстремистов из «Черной освободительной Армии» (Black Liberation Army) и «Черной пантеры»; т.н. «христианский экстремизм», направленный преимущественно против сторонников абортов и медучреждений, проводящих аборты; нацистский экстремизм; наконец, исламистский экстремизм и терроризм, зародившийся в 70-е гг. прошлого столетия, а в начале XXI века превратившийся в одну из главных угроз внутренней безопасности США³.

Терроризм как категория в праве США

Особая опасность терроризма как угрозы политическому устройству американского общества, национальной безопасности США, неуклонный рост террористической активности на самых различных направлениях, масштабы террористических угроз для государства и населения и ущерба от террористической деятельности, - все это предопределило выделение терроризма/антитеррористической деятельности в качестве самостоятельных объектов регулирования в правовой системе США.

В национальном праве США содержатся детально разработанные определения терроризма как особого вида уголовного преступления, его конкретных составов и наказаний за него; субъектов террористической деятельности; полномочий государственных органов и их персонала по предотвращению и пресечению терроризма; санкций в отношении организаций и лиц, поддерживающих и обеспечивающих террористическую деятельность в материальном, финансовом и информационном плане.

В соответствии с законодательством США терроризм (террористическая деятельность) относится к числу федеральных преступлений⁴, то есть преступлений, которые регулируются преимущественно (хотя и не исключительно) федеральным законодательством, а не законами отдельных штатов или местным правом отдельных территорий, дела по которым возбуждаются окружными прокурорами, расследуются федеральными органами (службами) и рассматриваются федеральными судами⁵.

¹ Terrorism 2002-2005. U.S. Department of Justice. Federal Bureau of Investigation. 2006. P.11.

² Ibid. P. 31.

³ Подробнее о «внутреннем» терроризме в США, его истории, формах, конкретных террористических организациях и терактах см.: Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2004. С. 455 – 502.

⁴ К федеральным преступлениям в США относятся преступления, регулируемые федеральными законами или совершенные на объекте федеральной собственности или на территории индейских резерваций. К числу федеральных преступлений относятся те, которые специально перечислены в разделе 18 Федерального кодекса США («Преступления и уголовный процесс») – См.: Title 18 – Crimes and Criminal Procedure, Part I – CRIMES 2011usc18 – title 18 USC 2011 – pp.5-6, а также в ряде других разделов Федерального Кодекса, например, § 53 раздела 26 Федерального Кодекса США («Кодекс внутренних доходов») – содержит определение федерального преступления «избежание налогообложения» и «незаконное хранение оружия».

⁵ К числу таких служб, в частности, относятся Федеральное бюро расследований, Бюро по делам алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF), Управление по делам наркотиков (DEA), Управление по соблюдению иммиграционного и таможенного законодательства (ICE), Служба внутренних доходов (IRS), Секретная Служба.

Источники права в применении к терроризму

Источниками «права терроризма» в США выступают федеральные законы (Acts of Congress), указы и распоряжения Президента США, федеральные подзаконные акты, некоторые решения федеральных судов по делам о терроризме и террористической деятельности.

Среди основных федеральных законов США, дающих юридическое определение терроризма и конституирующих систему антитеррористической деятельности органов государственной власти, можно выделить:

- Сводный закон о дипломатической безопасности и антитерроризме 1986 г.⁶;
- Закон о жертвах преступлений 1984 г. (Victims of Crime Act 1984) с поправками 1996 г. (определяет федеральный механизм материальной компенсации жертвам террористических актов);
- Антитеррористический закон о биологическом оружии 1989 г.⁷ (The Biological Weapons Anti-Terrorism Act of 1989 (BWATA) - Public Law 101-298);
- Закон о борьбе с терроризмом и эффективной высшей мере наказания 1996 г. (Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996);
- Закон «Объединяя и укрепляя Америку путем предоставления необходимых средств для предотвращения и воспрепятствования терроризму» от 26 октября 2001 г. (USA Patriot Act);
- Закон о безопасности Родины 2002 г. (The Homeland Security Act (HSA) of 2002);
- Закон о поддержке антитерроризма путем укрепления эффективных технологий 2002 г. (Safety Act of 2002);
- Законы об ассигнованиях на цели безопасности Родины (The Homeland Security Appropriations Acts of 2003);
- Закон о реформе разведки и противодействии терроризму 2004 г. (The Intelligence Reform and Terrorism Prevention Act of 2004 (IRTPA));
- Закон Real ID Act 2005 г.⁸
- Закон о терроризме в отношении предприятий по содержанию животных 2006 г. (Animal Enterprise Terrorism Act of 2006);
- Законы о военных (чрезвычайных судебных) комиссиях 2006 и 2009 гг. (Military Commissions Act of 2006);
- Закон о чрезвычайных международных экономических полномочиях 1977 г.⁹;
- Указ Президента № 12947 от 23 января 1995 г. (О запрете на сделки с террористами, угрожающими мирному процессу на Ближнем Востоке, и о замораживании активов Осамы Бен Ладена и других террористов)¹⁰;
- Указ Президента № 13224 от 23 сентября 2001 г., разрешающий арест активов организаций или отдельных лиц, указанных Министром финансов как пособники, спонсоры или источники материальной поддержки террористам или ассоциированных с ними лиц¹¹;
- Указ Президента № 12598 о пособиях бывшим в плену в результате террористических актов от 2 декабря 1986 г.;
- Президентский военный указ (President Military Order) от 13 ноября 2001 г. «О задержании, обращении и рассмотрении дел в отношении определенных категорий не граждан в ходе войны с терроризмом»¹².

В соответствии с традициями формирования американского законодательства эти источники права инкорпорируются в основные право-

⁶ Omnibus Diplomatic Security and Antiterrorism Act of 1986 (Public Law 99-399, 100 Stat. 853) – 42 U.S.C. §4801 и далее.

⁷ The Biological Weapons Anti-Terrorism Act of 1989 (BWATA) // Public Law 101-298

⁸ Полное название – «To establish and rapidly implement regulations for State driver's license and identification document security standards, to prevent terrorists from abusing the asylum laws of the United States, to unify terrorism-related grounds for inadmissibility and removal, and to ensure expeditious construction of the San Diego border fence» // Public Law 109-13, 119 Stat. 302. Закон был подписан Президентом США Дж. Бушем, но до сих пор не вступил в силу, поскольку не набрал необходимого числа ратификаций на уровне отдельных штатов.

⁹ Title 50, Chapter 35. International Emergency Economic Powers Act 1977.

¹⁰ 60 FR 5079, January 25, 1995 - Executive Order 12947 signed by President Bill Clinton on January 23, 1995.

¹¹ 66 Fed. Reg. 49,079 (Sept. 23, 2001). 3224 (Executive Order 13224, signed by President George W. Bush).

¹² Federal Register. November 16, 2001. Vol. 66. № 222. P. 57831-57836.

вые кодексы федерального законодательства – Федеральный Кодекс США (U.S.Code) и Кодекс Федеральных Постановлений США (U.S. Code of Federal Regulations). Оба Кодекса ежегодно подвергаются пересмотру и дополнению по мере принятия новых законодательных актов. Законы, принятые в период действия предыдущего акта, вступают в силу в соответствии с законодательной практикой США и подлежат включению в очередную редакцию Кодекса.

Юридическое определение терроризма

В федеральном законодательстве США содержится несколько определений понятия «терроризм».

Так, Федеральный кодекс (US Code, или U.S.C.) определяет терроризм как «предумышленное, политически мотивированное насилие, используемое против невоенных целей субнациональными группами или тайными агентами» (U.S.C., Раздел 22, § 2656f).

Принятый в 2001 г. после трагических событий 11 сентября Закон «Объединяя и укрепляя Америку путем предоставления необходимых средств для предотвращения и воспрепятствования терроризму» от 26 октября 2001 г.¹³ определяет внутренний (domestic) терроризм как «деятельность, которая состоит в актах:

- несущих опасность человеческой жизни и представляющих собой нарушение уголовного законодательства США или какого-либо штата;
- с очевидностью замышляются для того, чтобы:
 - запугать или принудить мирное население;
 - повлиять на политику государства путем запугивания или принуждения или воз-

действовать на политику государства с использованием массовых разрушений, убийства или похищения людей;

- совершаются в пределах национальной юрисдикции Соединенных Штатов¹⁴.

Кодекс Федеральных Постановлений США (US Code of Federal Regulations, C.F.R.)¹⁵ определяет терроризм как «незаконное применение силы и насилия против лиц или собственности, чтобы запугать, или принудить правительство, гражданское население или любую их часть в рамках достижения политических или социальных целей»¹⁶.

При всех своих различиях, приведенные выше юридические определения позволяют выделить общие качественные черты терроризма как особо опасного уголовного преступления, к числу которых относится:

- цель – прямое или опосредованное (через устрашение или принуждение мирного населения) изменение политики государства;
- мотивы – политические, национальные, религиозные или чисто корыстные;
- средство - устрашение государства или групп населения или принуждение путем убийства или угрозы убийством, в том числе массовым, а также массовыми разрушениями или воздействием на инфраструктуру, которое несет угрозу жизни людей;
- объекты террористического акта – люди (отдельные лица, например – политические и общественные деятели, представители органов законодательной, исполнительной и судебной власти различного уровня, в том числе военные и сотрудники правоохранительных органов; группы людей от отдельных национальных, религиозных и иных объединений до населения отдельных населенных пунктов, домов, пассажиров

¹³ Uniting (and) Strengthening America (by) Providing Appropriate Tools Required (to) Intercept (and) Obstruct Terrorism Act of 2001.

¹⁴ USA Patriot Act: as «activities that (A) involve acts dangerous to human life that are a violation of the criminal laws of the U.S. or of any state, that (B) appear to be intended (i) to intimidate or coerce a civilian population, (ii) to influence the policy of a government by intimidation or coercion, or (iii) to affect the conduct of a government by mass destruction, assassination, or kidnapping, and (C) occur primarily within the territorial jurisdiction of the U.S.»

¹⁵ Кодекс федеральных постановлений США представляет собой собрание постановлений органов исполнительной власти США, принимаемых на основании и в развитие федеральных законов.

¹⁶ 28 C.F.R. Section 0.85: «...the unlawful use of force and violence against persons or property to intimidate or coerce a government, the civilian population, or any segment thereof, in furtherance of political or social objectives».

и экипажей транспортных средств), а также объекты материальной инфраструктуры (транспорт, энергетика, промышленные объекты, склады вооружений и особо опасных веществ, нефте- и газопроводы, железные дороги, морские и воздушные порты и т.д.), разрушение которых может привести к массовой гибели людей и способствовать устрашению населения и органов власти.

Эти черты в своей совокупности составляют квалификацию преступления (террористического акта), которая позволяет отличить его от других насильственных преступлений и отнести его к числу наиболее опасных (тяжких).

В соответствии с законодательством США наличие политической цели (оказание воздействия на государство), а также средства (устрашение путем убийства или угрозы убийства, разрушений или угрозы разрушения общественных зданий, оборонных объектов, транспортной инфраструктуры, использования или угрозы использования оружия массового уничтожения и т.д.) в своей совокупности составляют квалифицирующий признак террористического акта в качестве особо опасного федерального преступления, которое может выступать в разнообразных формах.

Составы преступлений терроризма (террористического акта)

К числу конкретных форм (составов преступления терроризма) террористических актов 18-й раздел Федерального кодекса США относит:

- разрушение воздушного судна или его оборудования (ст. 32);
- поджог, совершенный на территории/морском пространстве, находящейся под особой юрисдикцией США (ст. 81);
- применение биологического оружия (ст. 175 или 175b);
- применение химического оружия (ст. 229);
- убийство или похищение члена Конгресса, Кабинета, Верховного Суда (подразделы a, b, c и d статьи 351);
- использование радиоактивных материалов (ст. 831);

- угрозы применения атомного оружия или оружия массового поражения в отношении США (ст. 832);

- использование пластических взрывчатых веществ (п.п. (m) и (n) ст. 842);

- поджог или подрыв правительственного имущества, угрожающий смертью людей (п.п. f (2) и (3) ст. 844);

- поджог или подрыв имущества, используемого в отношениях между Штатами (interstate commerce) (п. i ст. 844);

- убийство или покушение на убийство во время нападения на федеральный объект с использованием опасного оружия (ст. 930c);

- заговор с целью убийства, похищения или нанесения увечий физическому лицу за границей (ст.956a (1));

- нарушение систем компьютерной безопасности (ст.1030a (1), а (5));

- убийство или покушение на убийство официальных лиц США (ст. 1114);

- умышленное или непредумышленное убийство иностранных официальных лиц, официальных гостей или лиц, находящихся под международной защитой (ст.1116);

- захват заложников (ст.1203);

- нанесение ущерба государственной собственности или контрактам (ст.1361);

- разрушение коммуникационных линий, станций или систем (ст.1362);

- нанесение повреждений зданиям или имуществу, расположенному в зоне специальной территориальной и морской юрисдикции США (ст.1363);

- разрушение электростанции (ст.1366a);

- убийство или похищение Президента или сотрудников Президента (ст.1751a, b, c и d);

- террористические атаки или другие акты насилия в отношении железнодорожного подвижного состава и средств массовых перевозок на суше, на воде или путем атак с воздуха (ст.1992);

- разрушение государственных оборонных материалов, средств, помещений или объектов военной инфраструктуры (ст. 2155, 2156);

- акты насилия, направленные против морского судоходства (ст. 2280);

- акты насилия в отношении морских платформ (ст. 2281);
- убийства и акты насилия в отношении американцев, совершенные за пределами США (ст. 2232);
- использование оружия массового поражения (ст. 2232a);
- акты терроризма, выходящие за национальные границы (ст. 2332b);
- подрыв публичных мест и объектов (ст. 2332f);
- использование зенитных ракетных систем, предназначенных для уничтожения воздушных судов (ст. 2332g);
- использование средств распыления (распространения) радиоактивных веществ (ст. 2332h);
- предоставление убежища террористам (ст. 2239);
- предоставление материальной поддержки террористам (ст. 2239a);
- предоставление материальной поддержки террористическим организациям (ст. 2339b);
- финансирование терроризма (ст. 2339c);
- прохождение подготовки военного типа в иностранной террористической организации (ст. 2339d);
- применение пыток (ст. 2340a);
- повреждение атомных объектов или средств хранения ядерного топлива (ст. 2111 18-го раздела или ст. 2284 раздела 42 Федерального кодекса США);
- воздушное пиратство, нападение на команду воздушного судна с использованием взрывчатых или зажигательных средств или угроза оружием на борту воздушного судна (ст. 46502, 46504, 46505b, 46506 раздела 49 Федерального кодекса США);
- разрушение магистральных газопроводов или трубопроводов для перевозки опасных жидкостей и объектов трубопроводных систем (ст. 60123(b) раздела 49 Федерального кодекса США);
- наркотерроризм (ст. 900a раздел 21 Федерального кодекса США).

Каждая из перечисленных ранее статей Федерального Кодекса содержит подробное из-

ложение состава федерального преступления и устанавливает наказания за него в виде смертной казни, лишения свободы на неопределенное число лет, пожизненного заключения, тюремного заключения определенной продолжительности и денежного штрафа.

В качестве примера можно привести § 1992 Раздела 18 Федерального Кодекса («Террористические атаки и другие насильственные действия против железнодорожных подвижных средств и средствах массовых перевозок, осуществляемые с суши, водного пространства или из воздушного пространства»). Эта статья определяет состав преступления как:

- разрушение, крушение, поджог или вывод из строя железнодорожного оборудования или средства массовых перевозок;
- размещение любого биологического агента или токсина, взрывчатого вещества или взрывного устройства в, на или вблизи средства массовых перевозок, которое может угрожать безопасности любого лица, или имеет признаки умышленного пренебрежения безопасностью человеческой жизни;
- размещение или выпуск опасного вещества, биологического агента или токсина в или рядом с любыми из материальных объектов транспортной инфраструктуры (туннель, мост, виадук, стрелка, путь, электромагнитные стрелки, светофор, станция, склад, терминал или любой другой объект или устройство, используемое для осуществления железнодорожных перевозок) с намерением или сознанием того, что это приведет к крушению подвижного состава, принадлежащего любому поставщику услуг массовых перевозок;
- порча или разрушение железнодорожных сигнальных и диспетчерских систем, включая системы контроля движения поездов, централизованные диспетчерские системы или сигналы на железнодорожных переездах;
- вмешательство в работу, выведение из строя или вмешательство в работу диспетчера, водителя, капитана, железнодорожного инженера, кондуктора или любого другого лица, занятого в железнодорожных перевозках;
- акт насилия, в том числе с использованием оружия, в отношении любого лица, который

находится на объекте железнодорожной инфраструктуры;

– наблюдение, фотографирование, видеосъемка, построение диаграмм и иной сбор информации с целью совершения описанных выше преступлений;

– передача заведомо ложной информации, которая может привести к совершению описанных выше деяний;

– попытка, угроза или заговор с целью совершения любого из описанных выше деяний.

Эта же статья Федерального Кодекса США устанавливает уголовное наказание за предусмотренные ею правонарушения. В общем случае оно состоит в штрафе и тюремном заключении на срок не более 20 лет. Однако если правонарушение влечет за собой смерть любого лица, виновник наказывается бессрочным тюремным заключением, пожизненным тюремным заключением или смертной казнью (за исключением преступлений, состоящих в проведении наблюдения, фотографирования и иного сбора информации, а также покушения, угрозы или заговора, направленного на совершение правонарушения, предусмотренного этой статьей).

Кроме того, рассматриваемая статья содержит описание отягчающих обстоятельств преступления, а также определения (ссылки на определения в других статьях Федерального кодекса) основных понятий, используемых в данной статье («биологический агент», «опасное оружие», «взрывное устройство», «взрывчатое вещество», «опасный материал», «подвижной состав», «железнодорожный подвижной состав», «железная дорога», «железнодорожный перевозчик», «государство», «токсин», «транспортное средство»).

Аналогичным образом построены и другие статьи Федерального Кодекса США, посвященные раскрытию понятия «терроризм» в качестве уголовного преступления.

Важно отметить, что законодательство США относит к числу федеральных преступлений террористического характера действия, направленные на военную, финансовую и материальную поддержку терроризма, террористов и террористических организаций; попытку совершения таких преступлений, заговор с целью соверше-

ния террористических актов, информационное обеспечение деятельности террористов, а также предоставление убежища террористам (ст. 2239 раздела 18); предоставление материальной поддержки террористам (ст. 2239a); предоставление материальной поддержки террористическим организациям (ст. 2339b); финансирование террористической деятельности (ст. 2339c); прохождение подготовки военного типа в иностранной террористической организации (ст. 2339d).

Уголовные наказания за преступления террористического характера в соответствии с законодательством США устанавливаются на максимально высоком уровне. К числу таких наказаний относятся:

- смертная казнь;
- пожизненное заключение;
- заключение на неопределенный срок (нередко существенно превышающий возможную продолжительность жизни преступника);
- тюремное заключение на определенный срок;
- денежные штрафы в пользу государства;
- конфискация имущества, материалов, оружия и денежных средств, используемых для подготовки и проведения террористических актов, обучения и подготовки террористов, финансирования террористической деятельности;
- запрет на деятельность террористических организаций и организаций, участвующих в подготовке, проведении, финансировании, материально-техническом обеспечении терроризма.

Внутренний (domestic) и внешний (foreign) терроризм. Понятие «международный терроризм» (international terrorism)

В американской юридической доктрине традиционно сформировалось четкое выделение «внутреннего» и «внешнего» (иностранного) терроризма. Под «внешним» терроризмом при этом вплоть до последнего времени понимался терроризм в отношении США, объектов собственности США или американских граждан, субъектами которого выступают иностранцы, действующие из-за пределов США (отдельные террористы,

иностранные террористические организации, поддерживающие терроризм правительства иностранных государств). Именно такое деление на внутренний и внешний терроризм было закреплено в американском законодательстве вплоть до 2001 г.

После 2001 г. ситуация коренным образом изменилась. В юридический оборот в США был введен термин «международный терроризм». Федеральный кодекс США¹⁷ содержит следующие определения понятий «международный терроризм» и «внутренний терроризм».

Термин «международный терроризм» означает деятельность, которая состоит в актах насилия или актах, угрожающих человеческой жизни, и являются нарушением уголовного права США или одного из Штатов, или которые могли бы стать уголовным преступлением, если бы были совершены в юрисдикции США или одного из Штатов; которые направлены на то, чтобы запугать или принудить гражданское население; повлиять на политику правительства путем запугивания или принуждения; или повлиять на поведение правительства путем причинения массовых разрушений, убийством или похищением людей; и которые совершаются преимущественно за пределами территориальной юрисдикции США, или выходят за национальные границы за счет средств, которыми они достигаются, лиц, которые подвергаются запугиванию или принуждению, или мест, где злоумышленники действуют или ищут убежища...

Термин «внутренний терроризм» (domestic terrorism) обозначает деятельность, которая включает в себя акты, угрожающие человеческой жизни и являющиеся нарушением уголовного права США или одного из Штатов; имеют своей целью запугать или принудить гражданское население; повлиять на политику правительства путем запугивания или принуждения; или повлиять на поведение правительства путем причинения массовых разрушений, убийством или похищением людей; и совершаются в пре-

делах территориальной юрисдикции Соединенных Штатов.

Таким образом, «новое прочтение» понятия «международный терроризм» по существу означает распространение юрисдикции США в части, касающейся антитерроризма, за пределы территории США, т.е. придает американскому антитеррористическому законодательству экстерриториальный характер. По этому закону любая террористическая деятельность (если она является таковой с точки зрения законодательства США) квалифицируется в качестве преступления независимо от того, где оно совершено или подготовлено, и независимо от того, направлено ли данное преступление против США, американских граждан или собственности.

Более того, международный терроризм был законодательно конституирован как военная угроза безопасности Соединенных Штатов, которая требует использования вооруженных сил США фактически в любой точке земного шара. Через два месяца после террористических актов 11 сентября 2001 г. и введения в стране чрезвычайного положения Президент США Дж.У. Буш издал Указ «О задержании, обращении и рассмотрении дел в отношении неграждан в ходе войны с терроризмом»¹⁸.

В статье 1 Указа отмечается, что террористические акты против США внутри страны и за ее пределами, совершенные международными террористами (включая членов организации Аль-Каида), были столь жестоки и разрушительны, что «вызвали состояние вооруженного конфликта, который требует использования Вооруженных сил Соединенных Штатов».

В пункте «д» ст. 1 данного Указа отмечается, что способность американского государства защитить себя и своих граждан от дальнейших террористических актов в значительной степени зависит от использования вооруженных сил в процессе поимки и установления личности террористов и тех, кто стоит за ними. В пункте «е» ст. 1 Указа Президента США указывается, что для

¹⁷ Пункты 1 и 5 § 2331 Раздела 18 Федерального Кодекса США «Уголовные преступления и уголовный процесс». Глава 113b («Терроризм»).

¹⁸ Presidential Military Order: Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism. The White House. November 13, 2001.

защиты граждан от международных террористов последних следует разыскивать и арестовывать с помощью вооруженных сил даже за границей и судить за насильственные преступления «по законам военного времени и иным подходящим к конкретному случаю законам в военных трибуналах». Причем для рассмотрения уголовных дел «лиц, являющихся субъектами данного указа» (этот термин используется для обозначения международных террористов, не являющихся гражданами США) создается специальная ипостась военных трибуналов – военные комиссии.

Министру обороны США предписывается принять соответствующие инструкции и приказы, касающиеся работы таких комиссий (ст. 4 Указа), в первую очередь – инструкцию о создании военных комиссий по рассмотрению дел международных террористов. Причем инструкции министра обороны должны содержать, помимо прочего, правила проведения разбирательства уголовных дел террористов в этих комиссиях, включая досудебные, судебные и постсудебные процедуры, способы доказывания вины подсудимого, выдачи процессуальных документов, квалификационные требования к обвинителям и защитникам. Совокупность правил в таких инструкциях должна, по мысли данного указа (пункт «с» ст. 4), обеспечить как минимум:

- возможность для военных комиссий заседать в любое время и в любом месте, которое может быть им предложено министром обороны;
- полное и справедливое разбирательство уголовного дела по существу, в котором военные комиссии выступают в качестве судей «по вопросам факта и права»;
- допустимость в этом разбирательстве таких доказательств, которые будут иметь доказательственную ценность с точки зрения здравомыслящего, благоразумного человека;
- защиту получаемой в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел данной категории информации, в особенности охраны государственной тайны;
- поддержание обвинения одним или более прокурорами, назначенными министром обо-

роны, и осуществление защиты в процессе адвокатами обвиняемого;

– признание подсудимого виновным только большинством в две трети общего числа членов комиссии – при условии, что в момент голосования присутствует большинство ее членов; вынесение приговора только большинством в две трети общего числа голосов членов комиссии – при условии, что в момент голосования по приговору присутствует большинство ее членов.

Материалы рассмотрения дела в комиссии, включая приговор, направляются для просмотра и окончательного решения Президенту США или – по предписанию последнего – министру обороны США.

Уже из этого видно, какой исключительной значимости дела должна рассматривать такая военная комиссия. О такой же оценке этих деяний в качестве сугубо опасных для обороны страны и ее граждан свидетельствует и норма пункта «в» ст. 7 Указа, в которой установлено, что именно военные трибуналы (в лице военных комиссий) должны иметь исключительную юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных «субъектами данного указа», то есть международными террористами, не являющимися гражданами США. Более того, этим «субъектам» запрещается в связи с совершенными терактами прибегать к судебным процедурам в каких-либо иных судах, будь то американские суды, суды зарубежных государств или международные трибуналы.

В дальнейшем особый порядок судебного рассмотрения преступлений международного терроризма был законодательно закреплен специальными законами - Законы о военных (чрезвычайных судебных) комиссиях 2006 и 2009 гг. (Military Commissions Act of 2006, Pub.L. 109-366, U.S.C. 948-949).

Таким образом, новое понятие «международный терроризм» в уголовном праве США породило коренные изменения в организации судопроизводства по преступлениям терроризма.

**Продолжение статьи читайте
в следующем номере журнала...**

А.С. Клементьев / A. Klementev

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка Научного центра (Академия управления МВД России)

Е.В. Ткач / E. Tkatch

старший научный сотрудник Отдела по исследованию отраслевых проблем управления Научного центра (Академия управления МВД России)

Противодействие кибертерроризму и киберэкстремизму: новая сфера правоохранительной деятельности

Countering cyber terrorism and cyber extremism as a new area of law enforcement

С 80-х гг. XX века формируются международная и национальная законодательные базы по противодействию киберпреступности. С 2000-х гг. в России накапливается правоприменительная практика в сфере противодействию киберэкстремизму и кибертерроризму. В статье охарактеризованы основные проблемы этой новой области правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, информационные технологии, глобализация, киберпреступность, правоохранительная деятельность..

Определяющей цивилизационной тенденцией современности является глобализация – интеграция человечества в целостную систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств телекоммуникации и информационных технологий. Несмотря на значительный положительный потенциал, сегодня глобализация все чаще оценивается как вызов, требующий се-

Since the 80's of the twentieth century international and national legal frameworks to combat cybercrime has been formed. From the 2000's the Russian legal practice the area of cyber-terrorism and counter cyber extremism are being accumulated. The article describes the main challenges of this new area of law enforcement.

Keywords: terrorism, extremism, Information Technology, Globalization, cyber crime, law enforcement.

рьезного переосмысления существующей парадигмы безопасности¹.

Современные политико-правовые процессы глобализации, распространение сетевых структур и организаций активизируют, в частности, развитие экстремистской и террористической деятельности. Опаснейшими проявлениями этого феномена являются киберэкстремизм и кибертерроризм² – использование информационных

¹ См.: Романова Л.М. Национальный суверенитет в условиях глобализации: институционально-правовой анализ. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 3 – 5.

² Эти термины активно используются в англоязычных научных и правовых материалах. В отечественной литературе чаще встречаются выражения, аналогичные следующему: «использование Интернета для террористических и экстремистских действий».

интернет-коммуникаций для террористической и экстремистской деятельности. Они не только подрывают национально-культурные основы российской государственности, разрушают ее базовые политико-правовые институты, нивелируют новые демократические завоевания, но и интенсивно распространяют формы деформированного самосознания. Противодействие кибертерроризму и киберэкстремизму требует развития новых форм обеспечения безопасности – обеспечения национальной и международной **информационной безопасности**.

В настоящее время проблематика международной информационной безопасности и глобального управления Интернетом выдвинулась на центральное место в перечне вызовов международной безопасности³. Так, поражение объектов иранской ядерной инфраструктуры вирусом Stuxnet было включено российскими и американскими аналитиками в число самых заметных событий в области международной безопасности в 2010 г.

Неадекватная оценка рисков, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях, может привести как к недооценке, так и к переоценке серьезности угроз международной безопасности. Некоторые представители Европейского Союза и стран – членов НАТО даже прямо обвиняют продавцов информационных технологий и СМИ в искусственном инсценировании угрозы кибертерроризма⁴.

Однако большинство специалистов (на наш взгляд, совершенно обоснованно) оценивает данную угрозу не в качестве потенциально-перспективной, а реально-современной.

Успешность решения задачи пресечения деятельности экстремистских и террористических организаций в информационном пространстве во многом зависит от глубокой теоретической проработки данной проблемы. Но до сих пор отсутствуют даже общепринятые определе-

ния кибертерроризма и киберэкстремизма как порожденных глобализацией явлений, представляющих особую опасность для личности, общества и государства.

Авторы предлагают следующие определения:

- *киберэкстремизм* как форма экстремистской деятельности в информационном пространстве – это криминальное использование технологий приема, обработки, передачи хранения и распространения информационных сообщений экстремистского характера, то есть содержащей оскорбления в адрес каких-либо социальных (прежде всего, этнических и религиозных) групп, призывы к насилию над ними;

- *кибертерроризм* как крайняя форма проявления экстремизма в информационном пространстве – это криминальное использование технологий приема, обработки, передачи хранения и распространения информации, а также искажение объективной информации, создающее реальную угрозу возникновения чрезвычайной ситуации, в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

В настоящее время почти все активные террористические и экстремистские организации имеют свои веб-сайты, а многие поддерживают более одного сайта и используют несколько языков. В частности, сейчас в русскоязычном Интернете (Рунете) размещено более 150 сайтов, пропагандирующих религиозный экстремизм.

Активное использование экстремистскими и террористическими организациями интернет-пространства стимулирует ослабление национальных корней таких организаций, поскольку многие группы постепенно становятся межнациональными (и даже трансрегиональными) по характеру их деятельности. В первую очередь это относится к исламистскому движению: с конца XX в. идеологи исламизма сознательно стимулируют переход от доминирования традиционного типа организаций с вертикально-иерархическими связями к преобладанию сетевых структур, которые обменивают-

³ См.: Информационные вызовы национальной и международной безопасности / Под общей ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 5.

⁴ См.: Современная проблема международной киберпреступности // Борьба с преступностью за рубежом. 2001. № 2. С. 18 – 19.

ся информацией, но сохраняют организационную обособленность, а потому гораздо менее уязвимы. Другие виды экстремистских и террористических движений – праворадикальные и леворадикальные – на данный момент гораздо менее связаны с криминальным использованием Интернета. В то же время активное использование информационных коммуникаций участниками радикальных протестных движений (в частности, антиглобалистами и скинхедами) показывает, что есть реальная опасность активного развития не только исламистского, но также право- и лево-радикального киберэкстремизма и кибертерроризма.

Чаще всего при помощи Интернета совершаются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), так как их размещение в Глобальной Сети не представляет особых сложностей. Через Интернет может происходить возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Через Интернет может быть организовано экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ), например, путем сговора и приискания соучастников.

Как правило, обнаружить виновных в Интернете очень сложно, поскольку они действуют через один или несколько компьютеров с измененными IP-адресами. В большинстве случаев размещение информации на серверах в Интернете проводится через хостинговые организации. Оплата работ по размещению информации может производиться при помощи любых видов электронных платежей. Все это затрудняет идентификацию и определение местоположения пользователя Сети, обеспечивает высокую степень анонимности, осложняя поисковые мероприятия и формирование доказательственной базы. Кроме того, пользуясь возможностями Интернета, экстремисты целенаправленно размещают свои материалы в адресном пространстве других государств. Статистика показывает, что более 90%

всех русскоязычных сайтов экстремистской направленности имеют физическое местоположение на технических площадях за рубежом⁵.

С 80-х гг. XX века в большинстве стран пришли к выводу, согласно которому правовая защита компьютерной информации при помощи общих положений национального уголовного законодательства является недостаточной. Мировое сообщество осознало, что эффективное решение проблемы компьютерной преступности требует согласованных международных действий и сотрудничества.

Важную роль в выработке международных стандартов в области предупреждения преступлений в информационно-коммуникационной сфере играют конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями⁶.

В частности, Бангкокская декларация, которая стала итоговым документом XI-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшегося в апреле 2005 г., уделила особое внимание проблемам преступности именно в сфере информационно-коммуникационных технологий. В Декларации отмечалось, что в период глобализации быстрое развитие информационных технологий и новых систем телекоммуникаций и компьютерных сетей сопровождается злоупотреблением этими технологиями в преступных целях, а также подчеркивается необходимость разработки национальных мер и развития международного сотрудничества по противодействию преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий⁷.

Одним из основных международных нормативных правовых документов, в которых преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий рассматриваются как преступления международного характера, является Конвенция Совета Европы «О кибер-

⁵ См.: Демянчук Е.В. Противодействие терроризму и экстремизму в Интернете // Оперативно-розыскная работа. 2008. № 3 (190). С. 7.

⁶ См.: Шарифуллин Р.А. Некоторые правовые аспекты международного сотрудничества в области предупреждения преступности // Российский судья. 2006. № 12.

⁷ Меры по борьбе против преступлений, связанных с использованием компьютеров // Материалы Одиннадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сборник документов. М., 2005.

преступности» ETS № 185 от 23 ноября 2001 г. (Convention on Cybercrime)⁸.

Конвенция о киберпреступности предлагает странам-участницам вносить в национальное законодательство единую систему норм об уголовной ответственности за преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий. По существу, предусматривается два блока деяний⁹:

- правонарушения, направленные против компьютерной информации как предмета преступного посягательства, и
- деяния, предметом посягательств которых являются иные охраняемые законом блага, а информационно-коммуникационные технологии и информация используются при этом как средство, орудие совершения преступления или составляют другой элемент объективной стороны состава преступления.

Принципы распространения информации в глобальных сетях регулируются в настоящее время и в ряде других правовых актов Совета Европы, среди которых:

- Декларация Комитета министров Совета Европы о свободе выражения мнений и информации СМИ в контексте борьбы с терроризмом от 2 марта 2005 г.;
- Декларация о свободе общения в Интернете от 28 мая 2003 г.;
- Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1706 «Средства массовой информации и терроризм» от 20 июня 2005 г.;
- Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем, от 28 января 2003 г., и др.

Национальное законодательство зарубежных стран представлено широким спектром концепций, способов и приемов организации противодействия терроризму в информационном

пространстве. Они варьируются от признания существования проблемы и государственного содействия практике саморегулирования Интернет до поддержки крайних форм ограничительной политики в отношении использования Глобальной Сети.

Многие либеральные и леворадикальные публицисты принципиально отвергают саму идею фильтрации Интернета, считая «сетевую свободу» в высшей степени позитивным институтом, позволяющим свободомыслящим интеллектуалам избавиться от бюрократического контроля со стороны государства¹⁰.

Однако при этом они нередко забывают, что свобода критики «Уолл-Стрита», коррупции, запретов наркотиков и т.д. легко может «дополниться» свободой пропаганды расовой дискриминации, джихада, педофилии, национализма, торгового пиратства и т.д. Проблема заключается не в выборе между полной свободой Интернет-пространства и тотальным государственным контролем над ним, а в поиске оптимальной степени контроля и оптимального сочетания различных методов такого контроля.

В России целенаправленная работа по регулированию доступа к сетевым информационным ресурсам начала проводиться в 2000-х гг., когда пропаганда экстремизма в Интернете получила широкое распространение. В частности, отечественным законодательством был установлен ряд запретов на использование информационных технологий для пропаганды экстремизма. Так, согласно ст. 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ запрещается использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности. В свою очередь, ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ запрещает распространение информации, которая направлена на пропаганду войны,

⁸ Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002. С. 376 – 414.

⁹ Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях. М., 2004. С. 184.

¹⁰ См., например: Эпштейн А., Васильев О. Полиция мыслей. Власть, эксперты и борьба с экстремизмом в современной России. М.: Гилея, 2011.

разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды.

В соответствии со ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 не допускается использование СМИ для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, а также других материалов экстремистской направленности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» прямо указывают на СМИ как на средство совершения уголовно наказуемого деяния. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» для целей применения уголовного закона правила, установленные Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» для радио- и телепрограмм, применяются в отношении периодического распространения массовой информации через системы телетекста, видеотекста и иные телекоммуникационные сети (информационно-телекоммуникационные сети), в том числе через Интернет, если законодательством Российской Федерации не установлено иное¹¹.

В Федеральный список экстремистских материалов начали включать не только печатные (книги, брошюры, листовки), но и сетевые материалы. Так, по состоянию на начало 2010 г. они составляли более 15% всех материалов указанного списка. Российскими судами в последние годы вынесено несколько обвинительных приговоров в отношении лиц, размещавших в Интернете тексты и видеоматериалы, возбуждавшие национальную и религиозную ненависть¹². Территори-

альными подразделениями Главного управления по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации проводится мониторинг региональных сегментов Рунета для выявления фактов использования сети экстремистами.

В то же время меры ОВД, направленные на противодействие использованию Рунета для распространения экстремистских материалов, вызывают неоднозначную (преимущественно критическую) реакцию среди экспертов и правозащитников. Даже в научной среде их нередко критикуют за низкую результативность. В первую очередь это происходит потому, что, как показывает правоприменительная практика, положения российского антиэкстремистского законодательства недостаточно эффективно работают в отношении информации, размещенной в Интернет, и, прежде всего, на сайтах, зарегистрированных за пределами Российской Федерации.

Правовая база для закрытия сайтов на зарубежных серверах фактически отсутствует – внутренние нормативные акты Российской Федерации объективно не могут предоставить возможность влиять на другие государства, где размещаются экстремистские сайты. Несмотря на работающую систему оперативного обмена информацией по каналам национальных контактных пунктов и взаимодействия правоохранительных органов разных стран, наши зарубежные партнеры не очень охотно реагируют на факты противоправной деятельности. Добиться закрытия интернет-сайта, пропагандирующего идеи межнациональной нетерпимости и религиозной вражды, практически невозможно, если этот сайт размещен на сервере другого государства.

Приведем типичный пример. В 2007 г. сотрудники ГУВД по Алтайскому краю в ходе проведения работы по мониторингу интернет-сайтов экстремистских организаций, выявили размеще-

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 16.09.2010 г. № 21, от 09.02.2012 № 3).

¹² Например: дело А. Требушука в г. Барнауле, дело Е. Дружкиной в г. Химках Московской области, дело В. Малькова в г. Майкопе и др.

ние на сайте организации Национал-социалистического общества (НСО) информации о создании в г. Барнауле ячейки НСО. По запросу было установлено, что сайт организации размещен на сервере компании «FASTHOSTS UK NETWORK», расположенной в Великобритании. После этого в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России направили запрос о лице, зарегистрировавшем данный веб-ресурс, точной дате и времени регистрации ресурса и его пополнении. Однако в ответ было получено сообщение, что, в соответствии с законодательством Велико-британии, информация такого характера не предоставляется. К сожалению, такого рода коллизии имеют место и в настоящее время.

Дополнительные проблемы создает тот факт, что функции контроля над распространением материалов с использованием Интернета (за исключением ресурсов, зарегистрированных как СМИ) не отнесены в полной мере к компетенции какого-либо федерального органа исполнительной власти. В результате деятельность органов внутренних дел (в частности, подразделений специальных технических мероприятий) по противодействию данным видам преступлений осуществляется не слишком эффективно. Хотя одним из поводов для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении (согласно нормам ст. 140 УПК РФ), полученное, в том числе, из других источников (к каковым относятся и Интернет), такие случаи на фоне обилия экстремистского материала в Глобальной Сети немногочисленны.

Перечислим основные факторы, осложняющие противодействие киберэкстремизму и кибертерроризму.

Во-первых, развитие права и законодательства заметно отстает от процесса формирования новых инфокоммуникационных технологий, которые могут быть использованы террористическими и экстремистскими организациями. Существующее законодательство (как зарубежное, так и российское) носит во многом декларативный характер. Оно ограничивается в основном общими положениями о недопустимости распространения экстремистской и террористиче-

ской информации в Интернете, но слабо детализирует объективные критерии недопустимых информационных сообщений, механизмы мониторинга Интернета и удаления запрещенного контента.

Во-вторых, в условиях повышения приоритета инструментов международного управления необходимо иметь ввиду, что Интернет создан и функционирует, благодаря глобальным принципам построения, а значит и система противодействия интернет-терроризму и экстремизму также должна строиться во многом на основе международного сотрудничества. Речь идет о взаимодействии разработчиков специализированных технических средств, правоохранительных органов обмену информацией, взаимном признании тех или иных организаций террористическими или экстремистскими, формировании единых списков таких организаций.

В-третьих, отсутствуют эффективные методики диалектического сочетания механизмов саморегулирования и действующих норм законодательства в данной сфере. По мнению многих экспертов, для соблюдения баланса гражданских прав и свобод, а также ограничительных мер необходимо шире задействовать институты саморегуляции интернет-сообщества с использованием потенциала гражданского общества. В этих целях общественные организации должны с нравственных, социально-политических, национальных (и, возможно, религиозных) позиций участвовать в оценке допустимости контента информационных ресурсов и выработке критериев признания информационных ресурсов террористическими или экстремистскими. Это, на наш взгляд, позволит осуществлять эффективное противодействие использованию террористами и экстремистами возможностей Интернета, не прибегая к чрезмерному административному вмешательству в развитие Глобальной Сети.

Представляется, что для решения обозначенных ранее проблем необходимы институциональные инновации как законодательные, направленные на совершенствование законодательных норм, так и организационные, нацеленные на улучшение правоприменения.



Ю.В. Латов / U. Latov

доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Академии управления МВД России

Пост-пост-советская молодежь как актер «нового» экстремизма

Post-post-Soviet youth as an actor of «new» extremism

Статья посвящена анализу причин радикализации молодежного сегмента в протестном движении в современной России. Для обозначения выявленных тенденций автор предлагает термин «новый» экстремизм и выделяет его важнейшие сущностные характеристики.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, протест.

The article is devoted to the analysis of the causes of radicalization of the youth as a part of the protest movement in Russia in nowadays. In order to designate the dedicated trend, the author proposes the term «new» extremism and characterizes its most important essential features.

Keywords: extremism, youth, protest.

За последние несколько лет произошло качественное изменение общественного дискурса об экстремизме. С некоторой долей условности можно говорить о переходе от «старого» экстремизма 2000-х гг. (символами которого являлись Кондопога 2006 г., а также Манежная площадь 2002 и 2010 гг.) к «новому» экстремизму 2010-х гг. (символом которого можно считать Болотную площадь 2012 г.). Чтобы охарактеризовать эти изменения, необходимо вспомнить сначала некоторые общие проблемы экстремизмоведения.

Главной проблемой как в начале 2000-х гг., когда принимался Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», так и в начале 2010-х гг. является, прежде всего, про-

блема определения сущности экстремизма. Ведь в принятом Федеральном Законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ст. 1 («Основные понятия») нет определения сущности экстремизма. Согласно названному Федеральному Закону экстремизм определяется через перечисление 13-и конкретных действий. В этом перечне через запятую упомянуты, например, публичное оправдание терроризма, воспрепятствование законной деятельности избирательных комиссий и публичное демонстрирование нацистской атрибутики.

У проблемы определения сущности экстремизма есть два аспекта. С одной стороны, нет

ясности, какие именно признаки того, что считают экстремизмом, являются наиболее важными, категориальными. С другой, – не ясно даже, является ли экстремизм чем-то единым – экстремистской деятельностью называют очень разнокачественные явления, которые, возможно, не имеют общей природы.

Среди криминологов, а также сотрудников органов внутренних дел и спецслужб широко распространена трактовка экстремизма, вытекающая из утверждения «терроризм – крайняя форма экстремизма»¹. Если эту идею развернуть, то можно сказать, что как терроризм – крайняя форма экстремизма, так и экстремизм – крайняя форма радикализма как формы политической активности. Суть проблемы, с точки зрения автора настоящей публикации, заключается в осмыслении того, каковы грани, отделяющие запрещенный экстремизм, с одной стороны, от запрещенного терроризма, а с другой, – от вполне легального политического радикализма?

Поскольку Россия позиционирует себя как страну с демократическим обществом, то признается возможность деятельности оппозиционных политических (лево- и праворадикальных) движений и неортодоксальных конфессий. Для того чтобы общество развивалось в нем обязательно должны существовать легальные каналы для реализации девиантных² форм социальной активности. Однако для сохранения общества необходимо пресекать движения с заведомо деструктивной идеологией, а также – и прежде всего – движения, использующие насильственные методы или призывающие к их применению. Именно такие движения следует считать экстремистскими.

Деятельность сотрудников российской полиции по противодействию экстремизму реально направлена против трех весьма разных видов субъектов:

- против националистических группировок «русских патриотов» (типа скинхедов или Движения против нелегальной иммиграции) и антирусских националистов из представителей национальных меньшинств;

- против деструктивных религиозных организаций и группировок – прежде всего, исламистских (особенно групп ваххабитского толка), но также и против разного рода тоталитарных сект (саентологов, инглингов и т.д.);

- против деструктивных политических оппозиционеров – как левых радикалов (типа Национал-большевистской партии), так и правых радикалов (например, из движения «Солидарность»).

Между этими группировками, организациями и движениями различий гораздо больше, чем общих черт. Друг друга они воспринимают обычно скорее как врагов, чем в качестве союзников. Эти три группы схожи лишь тем, что девиантны по отношению к тому, что принято считать социально-политической нормой, и тем, что основную массу членов всех групп составляют молодые люди (от старшеклассников до молодых специалистов).

Сложность трактовки экстремизма не играла существенной роли в 2000-е гг., когда борьба против экстремизма в основном сливалась с борьбой против заведомо преступных действий убийц и тех, кто призывал к убийствам. На рубеже 2000-2010-х гг., однако, произошли качественные изменения, в результате которых противодействовать экстремизму стало довольно трудно и по моральным, и по чисто техническим причинам.

«Новый» экстремизм отличается от «старого» в нескольких аспектах.

Во-первых, изменилась структура экстремизма и, в особенности, его резонансных проявлений. В 2000-е гг. экстремизм ассоциировался в первую очередь с мигрантофобией и с исламизмом. После того, как были ликвидировано несколько организаций воинствующих «русских националистов», мигрантофобия снизилась. Аналитический центр «Сова», осуществляющий параллельный (независимо от МВД) мониторинг актов ксенофобии, констатирует, что пик ксенофобного насилия был пройден в 2007-2008 гг. Уже в конце 2000-х гг. количество убитых и ра-

¹ См., например: *Фридинский С.* Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма // Уголовное право. 2008. № 2.

² Отклоняющихся от общепринятых.

ненных, ставших жертвами ксенофобии, существенно упало, и к началу 2010-х гг. оно сравнялось с относительно спокойной ситуацией начала 2000-х гг.³

Исламизм устойчиво сохраняется, но воспринимается большинством россиян как проблема главным образом исламских регионов (республик Северного Кавказа и Поволжья), умеренно актуальная для России в целом. Зато с 2011 г. резко возросла активность радикальной политической оппозиции (в первую очередь, либеральной), выступающей с лозунгами резкой критики российской политической элиты, нередко балансирующая на грани законности и переходящая за эту грань.

Во-вторых, повысилась консолидированность разных экстремистских движений на основе общей протестной активности против существующего политического режима. Например, скинхеды и «антифа» на протяжении всей постсоветской истории постоянно нападают друг на друга, однако, во время массовых протестных выступлений 2011-2013 гг. против «антинародного правительства» правые и левые радикалы нередко шли рядом.

В-третьих, в среде участников радикальных движений качественно изменился характер организационных связей: на место традиционных организаций с иерархической структурой пришли сетевые сообщества. В 2000-е гг. члены экстремистских движений, какими бы аморфными или законспирированными они ни были, лично знали друг друга. В 2010-е гг. коммуникации устанавливаются в основном безлично, через Интернет или мобильную связь. В результате регулярные участники протестных акций могут встречаться друг с другом только во время этих акций и даже не считать себя членами какого-либо протестного сообщества.

В-четвертых, произошла массовизация радикальных форм протеста. В 2000-е гг. количество участников «Стратегии-31» или ноябрьских «русских маршей» оценивалось обычно в несколько сотен/тысяч человек. В 2010-е гг. количество участников массовых протестных акций

по поводу фальсификации выборов составляло десятки/сотни тысяч человек. Это показывает, что противникам политического режима удалось найти (пусть временно) такой протестный лозунг, который поддерживает очень значительная доля городского населения. Действительно, лозунг «Россия – для русских!» кажется большинству россиян черносотенным, лозунг «свободы собраний» отнюдь не является общепонятным. Зато любой согласится с тем, что нельзя фальсифицировать общенародные выборы, а доказательство фальсификации в форме «всплесков» на кривой Гаусса кажется вполне достоверным. Радикалы умалчивают, конечно, что, согласно оценкам социологов, большинство россиян все же поддерживают В.В. Путина и, следовательно, выборы в целом адекватно отразили предпочтения большинства избирателей.

В-пятых, публичность массового протеста создает ситуацию неопределенности перспектив развития протестной деятельности. Массовые радикальные формы протеста, балансируя у грани экстремизма, обычно эту грань все же не переходят. Большинство массовых митингов и шествий радикальной оппозиции проходят согласно официальной санкции, несанкционированные акции обычно не превращаются в силовые столкновения с полицией. С одной стороны, критики «цветных революций» видят в этих массовых мирных акциях протеста дьявольский умысел манипуляторов с Запада, которые готовят свержение режима. Для этого оппозиционерам сознательно создают имидж «невинных жертв», чтобы затем эти «марионетки Запада» в решающий момент могли перейти к «прямым действиям» и свергнуть «тираническую власть».

С другой стороны, обучение протестной молодежи методам ненасильственного протеста объективно имеет положительное значение для российского общества, где слишком часто правоту доказывали силой. Навыки использования законных методов протеста объективно могут скорее тормозить переход к силовым акциям, чем провоцировать его.

Переход от «старого» экстремизма, экстремизма маргиналов, к «новому» массовому экс-

³ Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году. М.: Центр «Сова», 2013. С. 146 – 147.

тремизму (точнее – «около-экстремизму») имеет несколько причин. Так, И.Ю. Сундиев, критикующий «цветные революции» как механизм внешней агрессии⁴, на передний план ставит происки американских (шире – западных) манипуляторов, которые нашли эффективный субститут старой «дипломатии канонерок». Если, однако, посмотреть на географию удачных и неудачных попыток этих революций и переворотов, то следует отметить, что свергают те режимы (в Грузии, Киргизии, Египте), которые давно испытывали терпение своих граждан высоким уровнем коррупции и неэффективной социальной политикой. Зато, скажем, «васильковая революция» в Белоруссии в 2006 г. решительно не удалась – благодаря не столько решительности правоохранительных органов, сколько высокому авторитету президента. Действует старая истина, гласящая, что «повалить» можно только «гнилой» режим. Поэтому для понимания причин формирования «нового» экстремизма лучше обратиться к анализу, в первую очередь, внутренних причин.

Этих внутренних причин две – качественное изменение российской молодежи (как главного субъекта около-экстремистского протеста) и отсутствие качественных изменений российской политической элиты (как объекта этого протеста). На наш взгляд, «новый» экстремизм есть проявление старого российского конфликта «отцов и детей».

Главными участниками массовых протестных акций стали представители пост-советской молодежи – те, кто социализировался не в «кипящих» 1990-х гг., а в относительно спокойных 2000-х гг. Для более старшего поколения несомненны заслуги В.В. Путина в решении «чеченской проблемы» и в нейтрализации «олигархов с большой дороги». Для современного поколения молодежи эти заслуги 10-летней давности имеют невысокую ценность. «Наведение элементарного порядка» воспринимается ими как само собой разумеющееся, а отсутствие общепонятной стратегии национального развития – как новый «застой». Исторический опыт показывает, что ре-

волюции устраиваются не нищими, кому «нечего терять, кроме своих цепей», а людьми с достатком, которые лишены перспектив его улучшить. Современное поколение молодых людей именно таково: им уже не надо бороться за выживание (как в 90-е гг. XX века), но и жизненные перспективы у них смутные, поскольку сложившаяся в России социально-экономическая система ограничивает возможности их самореализации.

Современная российская политическая элита представлена теми, кто пришел в коридоры власти в 2000-х гг. и за прошедшее десятилетие в значительной мере истощил свой реформаторский потенциал. Высшее политическое руководство за прошедшее десятилетие продемонстрировало отличное умение решать тактические проблемы, не доводя конфликты до опасного взрыва. Однако стратегическое управление трудно назвать успешным – сохраняется экономика рентаискательства (включая как поиск ренты от природных ресурсов, так и поиск коррупционной ренты). Конкуренция в экономике и в политике скорее декларируется, чем реально стимулируется. «Вызов» со стороны конкурентов воспринимается не как стимул развития системы, а как покушение на саму систему. Тезис Ф. фон Хайека, что конкуренция есть процедура открытия⁵, остается пока за пределами общественного сознания, склонного воспринимать конкурента как врага.

Ответом «старой» элиты на «новый» экстремизм стала кампания против политически ангажированных НКО («иностранных агентов»), а также активная разработка вопросов контроля над Интернетом и противодействия финансированию экстремизма. Такой ответ на вызов «нового» экстремизма оправдывают тем, что участники массовых протестных движений, поддерживающие связь с единомышленниками почти исключительно по Интернету и мобильным телефонам, – это всего лишь марионетки зарубежных кукловодов, не имеющие собственной воли. «Развертывание во время массовых беспорядков сотовых сетей, подконтрольных только Соединенным Штатам, не может не возмутить любое государство, – пишут

⁴ См., например: *Сундиев И.Ю.* Экстремизм в кризисной реальности // <http://spkurdyumov.narod.ru/suuunnndiev.htm>

⁵ *Хайек Ф.А.* Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 12. С. 6-14.

сторонники такого подхода. – По существу, США создали почву для глобальных конфликтов нового уровня: теперь – в момент массовых беспорядков – в любой стране могут быстро возникать агентурные сети, объединяющие разом тысячи и десятки тысяч абонентов, работающих против своего правительства»⁶.

Такая интерпретация «нового» экстремизма имеет определенное право на существование, поскольку развитые западные страны действительно поддерживают «цветные революции» и действительно настаивают на свободе доступа к современным коммуникациям, без которых эти революции вряд ли бы стали возможны. Можно сослаться, например, на высказывание госсекретаря США Хиллари Клинтон в феврале 2011 г. о том, что «Соединенные Штаты продолжают помогать людям, живущим в условиях зажима Интернета, обходить фильтры, всегда на шаг опережать цензоров, хакеров и бандитов, которые избивают их или сажают в тюрьму за высказывания в Сети»⁷. Весь вопрос состоит в том, являются ли организаторы и участники массовых протестов объектами влияния, автоматически выполняющими полученные заказы, или же у них есть собственная субъектная воля, не зависящая от внешнего заказчика?

Напрашивается параллель с обвинениями в адрес большевиков, которые якобы устроили Октябрьскую революцию в качестве «германских агентов». Историки на этот вопрос отвечают так: немецкие деньги, скорее всего, были, однако, в событиях 1917 г. они играли сугубо второстепенную роль. Попытка Временного правительства изобличить «германских шпионов», как известно, оказалась абсолютно неэффективной – не столько из-за хитроумия немцев и большевиков, сколько из-за ошибочности определения причин политического кризиса. Не повторяется ли в современной России ошибка почти столетней давности?

Меры, направленные на пресечение зарубежной помощи радикальной оппозиции, в определенной степени правомерны, поскольку российские проблемы все же лучше решать самим

россиянам. Однако только с помощью данных мер переломить ситуацию вряд ли удастся. По словам аналитиков, «пока государство, как классическая иерархическая система, пытается бороться с «умной толпой» (классической сетевой структурой) исключительно классическими способами. Образно говоря: госструктуры пытаются молотком победить плесень. Получается громко, зрелищно, но не эффективно. Достаточно давно подтвержденное правило: с сетевыми структурами могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, работающие в том же операционном поле, что и их противники»⁸.

Попытки противопоставить «чужим» сетевым структурам «наши» сетевые структуры уже есть. Интересным опытом является, в частности, деятельность «кибердружинников», инициированная Лигой безопасного Интернета⁹.

Речь идет о добровольческом сообществе граждан (почти исключительно – молодых людей), которые ведут борьбу с противоправным контентом в Интернете – прежде всего, против детской порнографии и педофилии, но также и против контента, содержащего сцены насилия, в том числе с экстремистским уклоном. Главной проблемой названного движения (как и других, ему подобных) является отсутствие внятной идеологии противодействия экстремизму. Попытки руководителей Лиги на Первом всероссийском слете кибердружинников в апреле 2013 г. предложить в качестве такой идеологии антиамериканизм и «защиту Отечества» вызвала у молодых кибердружинников скорее настороженность, чем понимание.

В настоящее время главным направлением противодействия экстремистским тенденциям должно стать, видимо, конструирование идеологии «позитивного патриотизма» – такого патриотизма, который предлагает молодым людям объединяться не против врагов (США, Запада, исламистов и т.д.), а за какой-то внятный образ России XXI века. Эту задачу рано или поздно придется решать – и скорее раньше 2018 г., чем позже.

⁶ Сундиев И., Кундетов А., Трофимов Д. «Цветные революции»: технологии и методы противодействия (2013).

⁷ Америка готовит мировую Интернет-войну (2011) // <http://unewworld.com/news/amerika-gotovit-mirovuyu-internet-vojnu.html>

⁸ Сундиев И., Кундетов А., Трофимов Д. Указ. соч.

⁹ См. информацию на сервере: <http://www.ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php>

В.М. Клячин / V. Klyatchin

доцент Обнинского филиала Российского нового университета (РосНОУ), кандидат технических наук

Политический экстремизм как угроза безопасности объектов атомной энергетики и промышленности

Political extremism as a threat to security of nuclear energy and industry

В статье раскрывается характер влияния социально-политических и социально-психологических факторов на обеспечение ядерной и радиационной безопасности. Сформулированы особенности проявления политического экстремизма и ядерного терроризма в современных условиях на объектах ядерного комплекса. Среди мер по минимизации негативного влияния социально-психологических факторов выделена группа специальных психопрофилактических мероприятий.

Ключевые слова: ядерная и радиационная безопасность, политический экстремизм, профилактические мероприятия.

На формирование системы мер обеспечения безопасности радиационно- и ядерно-опасных объектов в последние годы все в большей степени оказывают проявления политического экстремизма. Возрастание его веса в общей системе экстремистской деятельности обусловлено, прежде всего, активизацией политической борьбы, политизацией общественных отношений. В настоящее время политический экстремизм представляет теорию и практику насильственного воздействия (или угрозы такого воздействия) в политических целях по отношению к другим государствам, внутренним государственным и общественным структурам, социальным группам, отдельным гражданам, населению. Прискорбным является, что ядерные объекты и технологии, в

The article describes the influence of socio-political and socio-psychological factors in ensuring nuclear radiation safety. It reveals features of manifestation of political extremism and nuclear terrorism in modern conditions on the objects of the nuclear industry. Among measures for minimization of negative influence of the social factors and physiological factors the special group of preventive action is underlined.

Keywords: nuclear and radiation safety, socio-political and social and psychological factors, political extremism, nuclear terrorism, preventive actions.

виду специфики и возможных глобальных последствий аварий и катастроф, в данной сфере преступной деятельности нередко разыгрываются как козырная карта.

В настоящий момент акты политического экстремизма в отношении радиационно- и ядерно-опасных объектов имеют несколько потенциальных разновидностей форм и методов совершения.

1. Нелегальное использование вооруженной борьбы и открытого насилия, которое предполагает непосредственное насильственное воздействие на политическую организацию противоположающей стороны при помощи применения методов разрушения, ликвидации его промышленного и людского потенциала, в том числе насильственного захвата атомных объектов.

В Российской Федерации предусмотрена дисциплинарная, административная и уголовная ответственность за нарушение законодательства в области использования атомной энергии, включая указанные ранее правонарушения¹.

Вместе с тем, как показывает практика, на данный момент вероятность использования уязвимых объектов ядерного комплекса в террористических целях остается высокой. Так, по данным СИП РИА, весной 1997 г. сотрудниками ФСБ была предотвращена попытка диверсии на одной из АЭС страны. В Администрацию Президента Российской Федерации позвонил неизвестный и сообщил, что будет захват АЭС. По данным ФСБ намерения этого человека были серьезными, а угроза АЭС – реальной. Злоумышленник арестован².

Как указывает сотрудник Центра по изучению проблем энергетики и окружающей среды Прингстонского университета в США О. Бухарин в статье «Проблемы ядерного терроризма», в ноябре 1994 г. была угроза взрыва на Игналинской АЭС после вынесения судом Литвы смертного приговора одному из лидеров преступной группировки (взрывное устройство обнаружено не было)³.

11 сентября 1998 г. 19-летний матрос-торпедист А. Кузьминых, находясь в состоянии нервного срыва, убил 8 сослуживцев и заперся в торпедном отсеке атомной подводной лодки «Барс». В случае штурма он обещал взорвать субмарину. Это могло привести к разрушению реактора и катастрофе чернобыльского масштаба⁴.

При решении своих задач российскими ядерными террористами и может быть использован уже имеющийся опыт экстремистов других стран атак на ядерные объекты. Например, только в США с 1978 по 2002 гг. различные АЭС более 30 раз подвергались нападениям экстремистов и террористов. Во Франции, в ходе волны промыш-

ленных протестов (декабрь 1995 г.) саботажниками была засыпана соль во второй охлаждающий контур третьего энергоблока АЭС Блэйс.

2. Опосредованное насильственное воздействие на политического оппонента путем его устрашения через посягательство на жизнь и здоровье активистов и участников его организационных структур, их имущество и т.п. в целях побуждения к принятию решений в своих интересах.

К числу основных форм опосредованного насильственного воздействия могут относиться: убийства государственных и общественных деятелей; использование средств поражения, в том числе и радиационного, в местах скопления людей; захват заложников; уничтожение или разрушение радиационно- и ядерно-опасных объектов и т.д.

Наиболее известный пример – события в России в ноябре 1995 г., когда в Измайловском парке г. Москвы чеченские экстремисты разместили контейнер с радиоактивным изотопом цезия-137⁵.

В августе 2000 г. в Окленде (Новая Зеландия) была задержана группа исламистских террористов, деятельность которой связывали с именем У. бен Ладена. При задержании были изъяты материалы, свидетельствовавшие о подготовке взрыва ядерного реактора в Сиднее (Австралия) во время Олимпийских игр⁶.

В своей статье «АЭС – в кольце мафиози» В. Павленко пишет, что «Курская АЭС давно стала “зоной особого внимания” криминала. ...В декабре 1997 года в Москве было совершено убийство заместителя директора по коммерческим вопросам Хохлова, которое до сих пор не раскрыто, ...стал жертвой нападения главный бухгалтер Кошуба, получивший ранение в ногу. ... нынешней весной стреляли в директора АЭС Слепоконя»⁷.

3. Открытое силовое давление на противоборствующую сторону.

¹ См., например: Статья 61 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ.

² Siproia.ru

³ terroristica. Info/node/133.

⁴ Коммерсантъ. 1998. 12 сент.

⁵ terroristica. Info/node/133.

⁶ Радио России. 2000. 28 авг.

⁷ Труд.2001. 14 авг.

Оно используется, как правило, для публичного выражения протеста или сопровождает выражение тех или иных политических требований. Этот метод предполагает применение силы для нанесения реального значительного и прямого материального ущерба противоборствующей стороне. Здесь могут использоваться такие методы, как: демонстративная блокада органов власти правопорядка, транспортных путей и др.; массовые публичные мероприятия (демонстрации, митинги) с выражением ультимативных требований, угроз, совершением символических актов насилия; временный захват помещений (органов власти, штаб-квартиры политических партий и др.).

В настоящее время заголовки СМИ пестрят информацией о покушениях и убийствах российских и зарубежных физиков-ядерщиков, так или иначе причастных к ядерным программам и программам защиты объектов ядерного комплекса. При этом прослеживаются явные политические цели США и других западных государств по обеспечению мирового ядерного господства⁸.

4. Подстрекательство к применению насилия, которое в основном осуществляется путем оказания пропагандистского воздействия на население, отдельные его группы в целях побудить их к участию в акциях экстремистского характера или их поддержке.

В частности, широко применяется распространение лозунгов, идей, концепций о правомерности, целесообразности, законности применения насилия для достижения политических целей независимо от правовых или моральных ограничений. Так, по данным агентства РИА, в октябре 2012 г. более 70 активистов международной экологической организации Гринпис, следуя призывам своих лидеров, незаконно обошли рубежи охраны и проникли на две шведские АЭС с тем, чтобы продемонстрировать, как плохо охраняются данные объекты⁹.

В последние несколько лет проявления экстремизма, нацеленные на радиационно- и ядерно-опасные объекты, а также ядерного террориз-

ма, в частности, сделали его одним из основных криминогенных факторов, порождающих у граждан России чувство тревоги за свою жизнь и будущее, подрывающих доверие к органам власти и управления, к государственной политике в целом, препятствующих в конечном счете осуществлению социально-экономических реформ в стране.

При рассмотрении проявлений политического экстремизма в качестве потенциальной угрозы безопасности объектам атомной энергетики и промышленности необходимо обратить особое внимание на то, что в связи с масштабностью и непредсказуемостью возможных последствий радиационных аварий и катастроф, на обеспечение безопасности объектов могут серьезное влияние оказать социально-психологические реакции населения.

Основной причиной низкой эффективности прогнозирования и управления в области технологического риска является недостаточная изученность процессов поведения населения в условиях неопределенной ситуации, а также неотработанность процесса принятия решений в таких условиях. Психологические последствия аварий на объектах ядерного комплекса имеют существенные особенности, главная из которых состоит в том, что степень реакции зависит от чисто субъективного отношения общества к опасности, обусловленной наличием в районе опасного ядерного объекта.

В частности, практически всем известно, что при радиоактивном поражении отсутствует видимая опасность¹⁰. Первичные процессы, протекающие в биологических тканях, не ощущаются человеком, поражение имеет скрытый период и носит замедленный характер. Отмеченные особенности зачастую являются причиной высокой настороженности и беспокойства, проявляемых населением и общественностью по поводу любых (даже совершенно незначительных) нарушений эксплуатационных режимов, в особенности на объектах ядерного топливного цикла.

Возникновение у населения устойчивого комплекса «радиационной фобии», постоянное

⁸ См., например: <http://www.ansar.ru/analytics/2011/07/07/17846>

⁹ Ria.ru, 10.10.2012.

¹⁰ См.: Моляко В.А. Особенности проявления паники в условиях экологического бедствия // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 66-73.

чувство страха приводит к массовым психозам и возникновению различного рода расстройств, что непосредственно сказывается на безопасности как рассматриваемых объектов, так и населения.

В частности, Чернобыльская авария привела к так называемому «чернобыльскому синдрому», при котором население в различных областях СССР отказалось проживать в местах, где находились объекты атомной энергетики или предполагалось их строительство.

Нередко массовые протесты против захоронения радиоактивных и химических отходов (вследствие проявления таких психозов) и сейчас приводят к ухудшению экономической и экологической ситуации в отдельных регионах, повышают вероятность возникновения радиационных аварий и катастроф.

Так, в немецком городе Горлебен демонстранты в знак протеста захоронения ядерных отходов на территории Германии старались взобраться на поезд, везущий контейнеры с отходами, тащили с улиц бетонные пирамиды и устанавливали на путях, что вызывало длительные задержки составов и могло привести к радиационным чрезвычайным ситуациям¹¹.

Другим примером ухудшения экономического положения региона от тенденциозных действий ряда политических организаций могут послужить недавние события в г. Калининграде. Несмотря на то, что Балтийский регион остро нуждается в электроэнергии, 93 экологические, научные и правозащитные организации из двадцати стран мира обнародовали международное обращение к европейским банкам с требованием не выделять средства на сооружение Балтийской АЭС в г. Калининграде¹².

Естественно, что на снижение негативных психических реакций населения будет оказывать влияние весь комплекс организационных, юридических, экономических, политических и других мероприятий, проводимых различными государственными органами в результате аварии. Однако среди названных мероприятий можно выделить

специальную группу психопрофилактических мер, непосредственно оказывающих смягчающее воздействие на развитие психогений у населения.

Не без оснований специалисты полагают, что неконтролируемый страх свидетельствует о неуверенности в себе, своих знаниях и умениях. В этих случаях достаточно часто наблюдаются механизмы индуцирования тревоги и страха среди людей. Это может привести к паническим реакциям, для предотвращения которых надо пресекать распространение ложных слухов, бороться с паникерами, направлять энергию людей на ликвидацию последствий аварии, вести разъяснительную работу.

В качестве примера уместно вспомнить ситуацию, сложившуюся в ноябре 2004 г., когда студент-заочник архитектурного института Самары, работавший программистом, создал провокационную Интернет-страничку, взломал сайт Балаковской АЭС и посеял панику почти во всей европейской части России, опубликовав ложную информацию об аварии и радиоактивном заражении местности. Хотя информация в Интернете находилась недолго, этого было достаточно, чтобы сработал «рефлекс Чернобыля». Паника охватила несколько районов, в институтах отменили занятия, дежурные службы МЧС не справлялись со звонками. Только после публичного выступления перед СМИ непосредственно на территории АЭС представителя президента в Приволжском округе С. Кириенко паника начала медленно спадать¹³.

Первая и важнейшая профилактическая мера – как можно раньше начать просветительские и организационные мероприятия, направленные на преодоление беспечности и пренебрежения к изменению жизненных факторов. При этом большое значение имеет психологическая закалка – опосредованное внушение людям уверенности в своей силе воли, хладнокровии, выдержке, профессионализме. Наряду с этим, важными психопрофилактическими мероприятиями следует считать: организацию качественных учений и тренировок в условиях, приближенных

¹¹ Anti-Atom-Protteste: Castor-Transport rollt auf Gorleben zu. Welt, 09.11.2008.

¹² Oilru.com. 29.04.2013.

¹³ См.: Моторный И.Д. Защита гражданских объектов от терроризма: Научно-практическое пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2005. С. 73.

к реальным радиационным авариям и катастрофам; объективную информацию населения о всех негативных аспектах аварии; широкое привлечение самого населения к ликвидации последствий аварии; объективную информацию о последствиях аварии для конкретных групп людей. Необходимо подготовить людей к адекватному поведению в условиях чрезвычайных ситуаций, реагированию на них.

Вторая профилактическая мера – это заблаговременное ознакомление со смыслом и опасностями последствий уже произошедших радиационных аварий или катастроф.

Третья профилактическая мера – оперативность и активность в выполнении мер социальной защиты людей, пострадавших от радиационных аварий или катастроф.

Очень важную роль играют слаженные действия правоохранительных органов, средств массовой информации, органов власти. Неадекватные действия данных структур в условиях аварии или объявления об угрозе совершения террористического акта на радиационно- или ядерно-опасном объекте могут привести к массовым беспорядкам, неповиновением органам управления и т.д. При этом даже маловероятные угрозы при слабых последствиях физиологического плана в случае возникновения чрезвычайных ситуаций могут привести к тяжелым политическим последствиям в масштабах страны.

При учете влияния социально-психологического фактора на безопасность ядерных объектов очень важным является надежный прогноз возможных социальных взрывов.

Так, в 90-е гг. XX века в связи с кризисным финансовым положением предприятий атомной промышленности прокатилась мощная волна забастовочных движений из-за долговременной задержки зарплаты, грозящая привести к чрезвычайным ситуациям по причине остановки ряда ядерных производств. Одной из причин здесь явилась несвоевременная проработка возможных опережающих мероприятий со стороны руководства соответствующих министерств и ведомств.

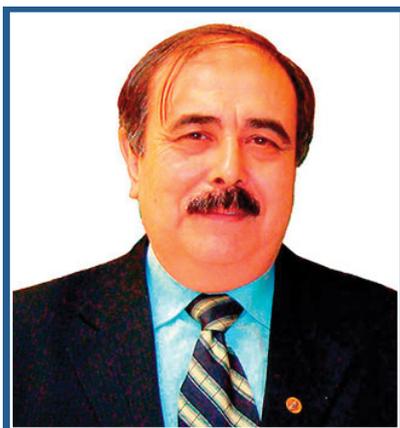
Другим возможным очагом мощного социального взрыва могут стать последствия ядерных аварий и катастроф. Так, резкое увеличение после Чернобыльской трагедии уровня смертности и заболеваемости из числа пострадавших, рост аномалий при рождении и развитии появившихся после аварии детей и т.п. привело к усилению психологической напряженности населения.

При организации мероприятий в чрезвычайных ситуациях на радиационно- и ядерно-опасных объектах также важно учитывать то, что на формирование и уровень психологического состояния населения существенную роль также оказывает характер экологических последствий возможных аварий, связанных с заражением территории и перспективами состояния биосферы.

Из множества нерешенных проблем, связанных с мирным использованием энергии атома, в последние годы все чаще стали проявляться факты политического экстремизма на объектах атомной промышленности и энергетики и его наиболее опасной формы – ядерного терроризма. Из единичных случаев они постепенно трансформировались в серьезную угрозу для существования человечества и всей цивилизации. По мере усложнения и развития технологического потенциала, роста численности населения, урбанизации объективно формируется наиболее уязвимая социальная среда, на которую свое деструктивное влияние оказывают социально-политические и социально-психологические факторы, обусловленные радиационными авариями и катастрофами, а также их последствиями.

В этой связи мировому сообществу требуется все больше усилий для того, чтобы выработать эффективные механизмы минимизации их негативного влияния указанных ранее факторов. Корректная и своевременная научная оценка состояния и динамики процессов и явлений, обуславливающих само существование феномена политического экстремизма на объектах атомной промышленности и энергетики, позволит выработать надежную систему противодействия его проявлениям со стороны государства и общества.

¹⁴ См.: Измалков А.В. Управление безопасностью социально-экономических систем. Диссертация на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М., 1999; Известия. 1995. 6 янв.



А.М. Юнусов / A. Yunusov

профессор кафедры историко-правовых и гуманитарных наук Московского государственного областного гуманитарного института (МГОГИ), руководитель Центра по изучению социальных конфликтов и профилактики экстремизма в молодежной среде, доктор философских наук, академик РАЕН

Задачи в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде

Tasks of countering extremism among young people

В современной России существует необходимость приоритетной разработки проблем предотвращения экстремизма в молодежной среде. В этих целях в структуре Московского государственного областного гуманитарного института создан Центр по изучению социальных конфликтов и профилактики экстремизма в молодежной среде. В статье изложены основные идеи, которыми руководствуются организаторы Центра, и цели его деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, молодежная среда, молодежный экстремизм, протест.

По мнению ведущих российских ученых, занимающихся проблемами безопасности, с 2000-х гг. наблюдается активизация относительно нового для России «феномена – “молодежного экстремизма” (точнее, экстремизма в молодежной среде), оперирующего идеологическими конструкциями ультрапатриотического, шовинистического, «поколенческого» типа, представляющего опасность для основ конституционного строя, а также общественной безопас-

In modern Russia there is a need for priority development of the problem, directed at the prevention of extremism among young people. To this end the Moscow State Humanitarian Institute has established the Center for the Study of social conflicts and prevention of extremism among young people. The article describes the basic ideas put forward by the organizers of the Center, and the purpose of its activities.

Keywords: extremism, youth, youth Environment, youth extremism, protest.

ности России и духовно-нравственных основ общества»¹.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время политические и социально-экономические условия, сложившиеся в российском обществе, оказывают явно негативное воздействие на молодежную среду. Вызывает опасение то обстоятельство, что растет число молодых людей, которые готовы к совершению преступлений различного рода. Еще в 1993 г. Ко-

¹ Авдеев Ю.И. Экстремизм – угроза национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы формирования толерантного сознания и профилактики терроризма, экстремизма в молодежной среде: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево, МГОГИ, 2012. С. 10.

митет по делам молодежи Государственной Думы РФ констатировал, что в России из 32 миллионов молодых людей, составляющих 6% населения, 2 миллиона (каждый 16-й!) способны, по данным социологических опросов, убить человека, если им хорошо заплатят. Не очевидно, что на данный момент доля молодых людей, готовых к насилию, существенно снизилась.

С 2000-х годов отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые активно вовлекают в свою деятельность молодых людей. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет.

Естественно, возникает вопрос: что необходимо сделать для преодоления этого явления в российском обществе?

Напомним, прежде всего, одно из социологических определений экстремизма, данное учеными Института социологии РАН: «экстремизм, с социологической точки зрения, та цена, которую приходится платить обществу и государству (как главному социальному институту) за несовершенство своих взаимоотношений с общностями, за свою неспособность устанавливать консенсуальные отношения с общностями, за свой эгоизм, выраженное или скрытое стремление подчинить своим государственным интересам интересы общества в целом и отдельных его общностей»². Следовательно, современный экстремизм является ничем иным, как симптомом тяжелых социальных недугов, поражающих общественный организм. Борьба против экстремизма сегодня – значит, прежде всего, искать решение тех проблем, которые способствуют возникновению этих негативных явлений в обществе.

Специалисты отмечают, что в основе экстремистских проявлений лежат, прежде всего, социальные причины:

- экономические – социальное неравенство, бедность, падение жизненного уровня, ухудшение жизненных перспектив значительной части населения (и, в первую очередь, молодежи);
- культурные – доминирование в обществе настроений хандры, социальной и личной

нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим;

- политические – подавление властями оппозиции и инакомыслия, блокирование легитимной самодеятельности индивида, амбиции лидеров политических партий, ориентации лидеров и акторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности.

Продолжающееся во многих социальных группах ухудшение условий жизни, которое сопровождается кризисом духовных ценностей и «дефицитом» идеалов среди молодого поколения, все чаще приводит к тому, что многие молодые люди, которые не видят для себя жизненной перспективы, встают на путь насилия. Для многих из них обращение к насилию – это своеобразный (хотя и извращенный) способ вступить в контакт с тем обществом, которое игнорирует их проблемы. Возмущение, отчаяние и протест, связанные с вступлением молодежи в самостоятельную жизнь и с различными социальными проблемами, все чаще вызывают в ее среде самые различные, основанные на отчаянии, агрессивные настроения, которые принимают крайне экстремистские формы. Когда отсутствует общегосударственная идеология, привлекательная и разделяемая большинством населения, на поверхность всплывают и используются экстремистскими элементами различные деструктивные идеологические концепции, в основе которых доминируют такие разъединяющие и разрушительные идеи, как: ксенофобия, национализм, расизм, клерикализм, воинствующий исламизм.

Многие органы государственной власти и местного самоуправления даже не представляют всю опасность этого явления и к тому же не имеют четкой программы действий по столь важной общественной проблеме. Об этом свидетельствуют постоянные проверки Генеральной прокуратурой исполнения законодательства о противодействии экстремизму в субъектах Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что, мобилизуя действия на отпор экстремизму, важно не просто обличать и критиковать его, а противопоставлять ему политическую волю, направленную на его искоренение. Нужно вести постоянную и внима-

² Социальное согласие против правового экстремизма. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. Вып. 3-4. С.5.

тельную работу по заполнению идейной пустоты здоровыми созидательными идеями, которые способны стабилизировать социальную обстановку в обществе и противостоять экстремизму. Такой основой может стать разработка и внедрение в образовательные учебные программы всех уровней вопросов, связанных с изучением природы социальных конфликтов, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма в молодежной среде.

Это требуется и потому, что ломка устоявшейся российской системы образования привнесла в нашу жизнь ощутимые беды – антипатриотизм, обострение проблемы отцов и детей, национализм в различных его проявлениях, рост преступности, равнодушие к созданию семьи, рост проституции, сиротства и т.д. Сегодня реформирование института образования в России осуществляется методом проб и ошибок. Поэтому назрела необходимость научной и социальной экспертизы состояния системы образования и воспитания за последние двадцать лет в Российской Федерации. В общем, ситуация такова, что уместно ставить вопрос о весьма неблагоприятном сценарии развития российской молодежи в перспективе³.

Перед научной общественностью и всеми, кто занимается вопросами противодействия различным формам экстремизма, стоят большие и ответственные задачи по нахождению эффективных механизмов в борьбе с этим социальным злом и минимизации его последствий. Нам представляется, что проведение специальных исследований по различным проблемам экстремизма имеет не только научное, но большое практическое значение. Именно поэтому сейчас как никогда нужны новые идеи, которые могли бы монолитно сплотить все слои российского общества, а

для этого необходимо вести постоянную образовательную и воспитательную работу в обществе и, особенно среди молодежи.

Исходя из понимания сложившейся непростой социальной ситуации и в целях внесения своего посильного вклада в решение проблем профилактики и предотвращения экстремизма, усилиями профессорско-преподавательского состава Московского государственного образовательного гуманитарного института (МГОГИ) ведется целенаправленная научно-практическая работа в данном направлении. В частности, в последние годы в МГОГИ издан ряд научных работ⁴, проведены специальные научно-практические конференции и семинары по проблемам экстремизмоведения.

Проблемы углубленного изучения проявлений молодежного экстремизма приобретут приоритетное значение в деятельности **Центра изучения социальных конфликтов и профилактики проявления экстремизма в молодежной среде**, который создан в январе текущего года в структуре МГОГИ⁵.

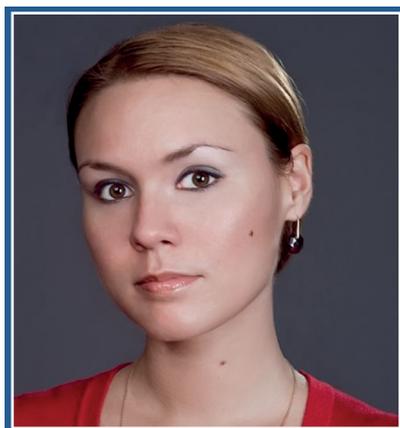
В настоящее время Центром изучения социальных конфликтов и профилактики проявления экстремизма в молодежной среде устанавливаются связи с Академией управления МВД России. Центр намерен также принимать активное участие в объединении усилий ученых в разработке проблем экстремизма с такими ведущими научными организациями, как Институт философии и права (ИФ РАН), Институт социологии (ИС РАН), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), Национальный Антикриминальный и Антитеррористический Фонд России и др. Центр готов сотрудничать со всеми научными организациями, активно изучающими проблемы молодежного экстремизма.

³ См.: *Исаева М.* Предпосылки и источники молодежного экстремизма // *Власть.* 2007. № 12. С. 38 – 43.

⁴ Основные направления информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2011; Проблемы формирования толерантного сознания и профилактики терроризма в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012.

⁵ Основными целями деятельности Центра являются:

- организация научно-исследовательской, образовательной, информационно-аналитической и координационной работы по теоретическим и прикладным направлениям обеспечения социальной безопасности, изучение социальных конфликтов и профилактики экстремизма в молодежной среде, комплексного подхода к научно-аналитической и социально-проектной деятельности в этих направлениях;
- содействие объединению и привлечению к совместной деятельности всех образовательных учреждений Московской области, органов управления муниципальных образований и отдельных общественных организаций и иных институтов исполнительной власти, обеспокоенных состоянием и проблемами межэтнического и межконфессионального взаимодействия в обществе.



Н.А. Коровникова / N. Korovnikova

доцент кафедры государственного
и муниципального управления РУДН,
кандидат политических наук

Патриотизм как основа ментальной¹ безопасности России

Patriotism as basis of Russia's mental security

В статье рассматривается понятие «патриотизм» как философский принцип, социологическая характеристика и психологический феномен; показана особая роль патриотизма в структуре политической культуры и в истории России; обоснована значимость патриотического воспитания в постсоветской России как условие ментальной (духовной) безопасности государства и общества.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, политическая идентичность, политическая культура, ментальное пространство, безопасность, постсоветская Россия

The article considers concept of «patriotism» as a philosophical principle, sociological characteristic and psychological phenomenon. It shows special role of patriotism in the structure of the political culture and history of Russia. The article substantiates the importance of patriotic upbringing in post-Soviet Russia as a condition of mental security of the state and society.

Keywords: patriotism, patriotic upbringing, political identity, political, mental space, national security, post-Soviet Russia

Окончание статьи. Начало в предыдущем номере.

Ретроспективный анализ досоветского периода позволяет зафиксировать три последовательно взаимодействующих направления становления и развития ментального пространства России, имманентным признаком которых был их патриотиче-

ски-ориентированный характер, в том числе:

- религиозное, теологическое (православие, Киевская Русь);
- политическое, телеологическое (самодержавие, «священное царство», Московская Русь);
- социально-культурологическое (Российская Империя)².

¹ «Ментальное» аккумулирует в себе аксиологическое (ценностное, эмоционально-психологическое), оценочное (рационально-психологическое), символически-смысловое измерение социума.

² См.: Поляков Л. Логика «русской идеи» // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 72.

Патриотическая идея прослеживается в Руси Киевской, Руси Татарской и Московской, России Петровской³ и России Советской⁴.

Над проблемой патриотизма, воспитания в качестве основы национального самосознания, условия целостности и единства государства с различных (иногда полярных) позиций работали многие государственные и общественные деятели: М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин⁵, К.Д. Кавелин, П.В. Анненков, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, М.А. Бакунин, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и др.

Начало XX века – этап новых войн и революций, пересмотр ценностных ориентиров в ментальном пространстве; перестройка всей общественной жизни России на основе социалистической идеи. Разнообразные варианты понимания проблем общества и государства, воспитания граждан и перспектив развития страны предлагали В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов и многие другие ученые и государственные деятели. По мнению В.И. Ленина, патриотизм выступает как «...одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»⁶.

Обобщая результаты исследований ментальной сферы, можно констатировать, что на протяжении всего советского периода в истории России, очевидным было укрепление патриотической составляющей в общественном сознании, как через создание новых эмоциональных образцов Советской России, так и через обращение к героическим образам прошлого, особенно в критические моменты (например, в период Великой Отечественной войны), формировался единый вектор гражданственности, ориентированный на государство, государственность, государственную политическую власть, что подкреплялось идеологической и политической работой на мезогрупповом и микроиндивидуальном уровне. Это обеспечивало устойчивость (по крайней мере, номинальную) и первичность политической идентичности, детерминировавшей характер и содержание идентификационных структур на всех уровнях ментального пространства, соответственно, образуя такой макро-ментальный конструкт, как советский народ, определявший весь спектр когнитивных матриц, эмоциональных характеристик и поведенческих моделей «*homo soveticus*».

Конечно, не стоит забывать, что такая расстановка сил в «иерархии идентичностей» во многом поддерживалась и питалась благоприятной для этого средой – коммунистической идеологией, которая базировалась на прочном фун-

³ Особое место в эволюции патриотической идеи занимает эпоха реформ Петра I, который одним из первых среди государственных деятелей России предпринял попытку предать великим идеалам борьбы с врагом – «За веру, царя, честь и достоинство» – правовой статус через их формализацию в воинских уставах, законодательных актах («Учреждение к бою по настоящему времени» 1708 г., «Артикул воинский» 1715 г., Воинский Устав 1716 г.). По сути, Петром I было положено начало формированию единой системы патриотического обучения и воспитания.

⁴ Периодизация предложена Н.А. Бердяевым (См.: Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990), хотя в историческом дискурсе существуют различные подходы к периодизации идейно-ценностной эволюции ментального пространства России, например, в соответствии с содержательным подходом С. Солдатова она происходила в соответствии со сменой эпох развития политической мысли: 1) эпоха основания (862 – 1240 гг.); 2) эпоха поражения (1240 – 1480 гг.); 3) эпоха становления (1480 – 1698 гг.); 4) эпоха строительства (1698 – 1917 гг.); 5) эпоха сокрушения (1917 – 1985 гг.).

⁵ Сегодня актуальной представляется трактовка патриотизма, предложенная Н.М. Карамзиным в статье «О любви к Отечеству и народной гордости», в которой он рассматривал физическую, моральную и политическую любовь к Отечеству: физическая любовь – привязанность человека к месту своего рождения («малая родина»); моральная любовь к Отечеству включает нормы национального общения, ценности жизни, позволяющие ему любить своих сограждан, делать им добро; высшая форма любви – политическая – связана с патриотизмом, который есть «любовь к благу и славе России и желание способствовать им во всех отношениях». Любовь к Отечеству у Карамзина – это также любовь к своим великим предкам: «Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого.... но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона». См.: Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // Антология педагогической мысли России первой половины XIX века. М.: Педагогика, 1987; Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Правда, 1988.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. 5-е изд. Т. 37. С. 190 // http://lenin-ulijanov.narod.ru/sobran_0.html

даменте институциональных основ (Конституции СССР 1936 и 1977 гг.)⁷ и научных разработок (научная школа марксизма-ленинизма⁸).

Все это достаточно длительное время поддерживало, по крайней мере, эксплицитный идейно-мировоззренческий консенсус советского социума, окончательно подорванный к концу 80-х гг. XX века латентными деструктивными процессами периода «холодной войны», результатом которой для нашей страны стало тотальное разрушение идейно-аксиологической системы советского образца, ее патриотической основы через уничтожение среды ее формирования и функционирования путем институционализации деидеологизированной структуры социума⁹.

В 90-е гг. XX века начался во многом неуправляемый процесс трансформации государства и общества, приведший к разобщенности страны, потере былой экономической мощи, позиций на международной арене и, как следствие, дезориентации ментального пространства. В результате Россия столкнулась с историческим вызовом – острой необходимостью поиска новой ценностной, идейно-мировоззренческой системы координат осуществления коренных, качественных изменений всех структурных элементов российского социума.

Детализация исследований ментальных образований и процессов на протяжении всего постсоветского периода позволяет зафиксиро-

вать следующие четыре этапа: кризис, «ревитализация», конструирование и становление идентичности¹⁰, на каждом из которых патриотическая составляющая общественного сознания определяла их характер и содержание.

Кризисный этап, который условно можно отнести раннему постперестроечному периоду (до 1994 г.), представляется наиболее драматичным с точки зрения не только материального, но и ментального измерения социума. Его ключевыми характеристиками стали: радикальное разрушение советской идентичности; дезинтеграционный, деструктивный характер идентификационных процессов на всех уровнях; формирование негативной идентичности через деидеологизацию в качестве альтернативы коммунистической идеологии; формирование новых «псевдогрупповых» конструкторов; атомизация сознания через уничтожение общих ценностных ориентиров, в первую очередь, патриотического отношения к стране, земле, истории. Основным инструментом для этого послужила резкая критика советского периода и всего, что с ним было связано: режим, идеология, события; особым нападкам подверглись Октябрьская революция как отправная точка режима, марксизм вообще и коммунистическая идеология в частности, Сталин, образ которого приобрел «демоническую» окраску, что едва не привело к его мистификации, период «застоя», который казался естественным

⁷ Конституция 1936 г. Ст.1. «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян»; Ст.126. «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/1936_W.HTM

Конституция 1977 г. Ст.6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу» // <http://www.sovetika.ru/sssr/konst1.htm>

⁸ По сути, была теоретически обоснована целостная научная система, опосредовавшая все сферы жизнедеятельности социума: марксизм-ленинизм, как философская доктрина; политэкономия как экономическое обоснование; научный коммунизм как социально-политическая стратегия.

⁹ Статья 13 ч. 1, 2 Конституции РФ 1993 г.: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» скорее содержат в себе не запрет на идеологию вообще, как мировоззренческую, мотивационную основу социально-политических процессов, а табуируют возможность формального единоначалия какой-либо идеологии.

¹⁰ В данном случае фиксация временных координат предложенных этапов носит условный характер и применяется для схематичной иллюстрации крайне широкого спектра ментальных (идентификационных) структур и процессов в истории постсоветской России.

результатом эволюции советской системы и ее единственно возможным воплощением, и т.п.

Тотальная дискредитация советской ментальности, игнорирование патриотизма в качестве необходимого элемента российской политической культуры очень скоро привели к распространению национального нигилизма, партикуляристских настроений, вплоть до стремления покинуть страну, «обнажив» несостоятельность негативной идентичности постперестроечного образца, на первый план вышла проблема обеспечения ментальной безопасности российского социума.

Это послужило импульсом для популяризация проблематики ценностно-мировоззренческих ориентиров, политической идентичности россиян и положило начало этапу «ревитализации» (1994 – 1999 гг.), хрестоматийной иллюстрацией которого стал призыв Б.Н. Ельцина найти и сформулировать национальную идею страны в качестве ключевого индикатора ментальных структур в массовом сознании¹¹.

Несмотря на превалирование либеральных ценностных ориентиров, иницируется восстановление патриотической компоненты через обращение к досоветским образцам, включая их конфессиональную составляющую: с новой силой начинают звучать примеры героических событий: Ледового побоища (1242 г.), Куликовской битвы (1380 г.), Полтавского сражения (1709 г.), Бородинского сражения (1812 г.), и персонажей: Александра Невского, Дмитрия Донского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова. По-новому осмысливается роль царской семьи, в том числе Николая II, в российской истории и т.д. В ментальном пространстве начинает постепенно закладываться фундамент своеобразного синтеза идентификационных структур Российской Империи и либерального Запада.

С начала нового тысячелетия начинается третий этап активного конструирования политической идентичности «постсоветского человека», на котором продолжилось усиление патриотической компоненты уже не только за счет примеров

досоветской истории России. В сущности, произошло то, что можно назвать «ренессансом советской идентичности»: в число центральных событий, определяющих ментальные макроструктуры, в сознание россиян вошли события истории Советской России: победа в Великой Отечественной войне, восстановление страны в послевоенные годы, первый полет человека в космос и т.д.¹²

В результате произошла своего рода конвергенция ценностных структур досоветской (консервативной), советской (социалистической), западной (либеральной) идентичностей, результат которой в перспективе сможет стать определяющим для ментальной сферы, а также послужит импульсом для начала нового этапа последовательного становления российской макрополитической идентичности. Последнюю, безусловно, следует рассматривать в качестве условия ментальной безопасности и ключевого индикатора состояния общественного сознания, обуславливающего и, одновременно, согласующегося с индивидуальными и групповыми структурами при помощи их патриотической составляющей.

Очевидно, что на различных этапах постсоветского периода использовался разный ракурс интерпретации и последующей реинтерпретации истории, прежде всего, через ее антипатриотическую и патриотическую трактовку. Это оказалось чревато проявлением как негативных, так и позитивных аспектов. Игнорирование и недооценка патриотической компоненты, спонсирование антипатриотических настроений привели к трагическим результатам в ранний постсоветский период (этапы кризиса и ревитализации), когда несбалансированность ментальных конструктов западного формата, их искусственный характер, неучтенная ригидность массового сознания стали причиной ломки, деформации и искажения ценностных представлений даже на микроличностном уровне. При этом акцентирование патриотизма через разумный баланс модификаций аксиологических образцов Российской Империи и советского периода на третьем этапе (в том числе, на уровне государственной символики)

¹¹ См.: Россия в поисках идеи / Под ред. Сатарова Г.А. М.: Известия, 1995.

¹² См.: Российская идентичность в социологическом выражении. Аналитический доклад. ИС РАН, 2007.

позволило сформировать прочный фундамент ее становления в будучем.

В данный момент патриотизм занимает одно из центральных мест в общественно-политическом и научном дискурсе, что является вполне закономерным. Дело в том, что патриотизм стал своего рода защитной реакцией по отношению к пропагандируемым в последние десятилетия тезисам, подобным тому, что «Россия неспособна к цивилизованному развитию» и т.п. Любовь к Родине вновь становится мощным эмоциональным побудительным мотивом в общественном сознании, значимым для различных социальных групп; снова повышается интерес к отечественной истории, ее эпохальным и героическим событиям и персоналиям.

Вся история становления и развития российского государства и общества детерминирует патриотизм в качестве ключевого элемента политической культуры России, базиса политической идентичности. Более того, исторический путь нашей страны доказывает необходимость патриотического воспитания, ориентированного как на личность, так и на государство, формирования государственно-ориентированного сознания независимо от этнической, конфессиональной, социально-экономической принадлежности, учитывая, что, подавляющее большинство россиян (69%) придерживаются той точки зрения, согласно которой «патриотизм надо воспитывать с детства: в семье, в школе; его необходимо пропагандировать на телевидении, в кино, в литературе»¹³.

На наш взгляд, в условиях глобализации ментального мирового пространства особенно важно выработать соответствующую стратегию в сфере образования, направленную на обеспечение эффективной системы воспитания на государственном уровне, разумной молодежной политики, что, в свою очередь, позволит сформировать стратегию национальной безопасности России, учитывающую новые глобальные факторы; обеспечить воспроизводство ментальности и социально-культурной уникальности через своеобразие языка, духовности, культуры, отстаивание национальных интересов и защиту конституционного строя, становление и укрепление политической идентичности России.

Идея российского патриотизма в условиях обновления страны поднялась на качественно новый уровень трактовки и понимания. Проблематика гражданственности и патриотического воспитания вышла за узкорелективные, умозрительные рамки и приобрела практический характер¹⁴.

На данный момент приняты соответствующие государственные программы¹⁵, в стадии разработки находится федеральный закон, сформулирован ряд принципов, целей, задач, форм патриотического воспитания на общегосударственном уровне¹⁶ в качестве основ становления политической идентичности российского социума, формирования новой стратегической модели развития, отвечающей одновременно реалиям социально-политического контекста, условиям обеспечения национальной (ментальной) безопасности и специфике России как государства и цивилизации.

¹³ Россияне о власти в стране, устройстве общества, патриотизме <http://www.levada.ru/22-01-2013/rossiyane-o-vlasti-v-strane-ustroistve-obshchestva-patriotizme>

¹⁴ Правовую основу патриотического воспитания составляют Конституция Российской Федерации и следующие законодательные акты: федеральные законы «Об образовании»; «О высшем и послевузовском образовании»; «О культуре»; «О воинской обязанности и военной службе»; «О ветеранах»; «О днях воинской славы (победных днях) России»; «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»; а также Указ Президента Российской Федерации «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000 г. № 24, постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о подготовке граждан Российской Федерации к военной службе» от 31 декабря 1999 г. № 1441, другие нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в части, касающейся вопросов патриотического воспитания.

¹⁵ Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795 была утверждена третья Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2015 годы». Она стала продолжением государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Это позволяет сохранить непрерывность процесса дальнейшего формирования патриотического сознания российских граждан – ключевого фактора ментальной безопасности.

¹⁶ Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации // http://rosvoencentr-rf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=481:2012-11-25-16-27-44&catid=50:2008-12-22-12-36-36&Itemid=72